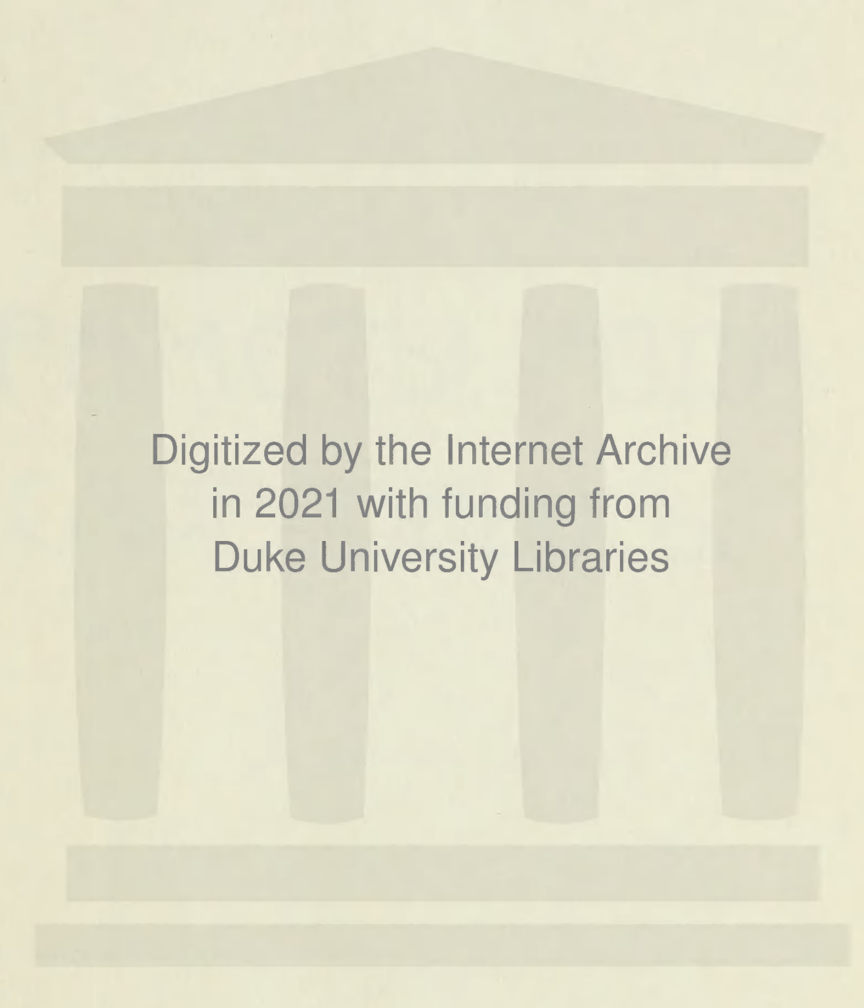

Л. М. САВЕЛОВЪ.

ГРАМОТЫ РОДА САВЕЛОВЫХЪ.

МОСКВА.
Типо-литографія Евгенія Патріарка.
1912.

Грамоты рода Савеловыхъ.

Савеловы, подавая въ концѣ XVII ст. свои росписи въ разрядъ, говорятъ между прочимъ: „А слыхали отцы наши у дѣдовъ и у прадѣдовъ и у отцовъ своихъ, что прародитель нашъ Андросъ Савелко выѣхалъ изъ Нѣмецкой Свизской земли служить великимъ княземъ новогороцкимъ и былъ въ чести и пожалованъ многими селы и деревнями, и тѣ его села и деревни явились за внукомъ его за Иваномъ Кузьмичемъ Савелковымъ“—это показаніе является исходною точкою Савеловскаго родословія и намъ остается произвести только провѣрку его правильности, для чего мы и разобьемъ это показаніе на три части: 1) дѣйствительно ли произошелъ самый выѣздъ, 2) дѣйствительно ли Иванъ Кузьмичъ приходился внукомъ Андроса и 3) наконецъ существовали ли въ дѣйствительности эти Андросъ и Савелко.

Первый вопросъ, конечно, самый трудный и намъ приходится говорить лишь о возможности самаго выѣзда. Въ цѣломъ рядѣ своихъ работъ я систематически отвергалъ большинство выѣздовъ изъ Западной Европы, на этой же точкѣ я остаюсь, конечно, и въ вопросѣ о выѣздѣ родоначальника Савеловыхъ, хотя долженъ оговориться, что выѣздъ въ Новгородъ возможенъ болѣе, чѣмъ куда бы то ни было, такъ какъ В. Новгородъ съ давнихъ поръ велъ сношенія съ Западомъ, будучи въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ мѣстностями, входившими въ знаменитый Ганзейскій Союзъ. Но если даже допустить возможность выѣзда родоначальника Савеловыхъ, то думается выѣхавшій не могъ быть дѣдомъ Ивана Кузьмича, который, какъ извѣстно, былъ сыномъ посадника, т. к. въ этомъ случаѣ получается, что сынъ иноземца былъ административнымъ главою Новгорода, что врядъ ли возможно допустить, особенно же принимая во вни-

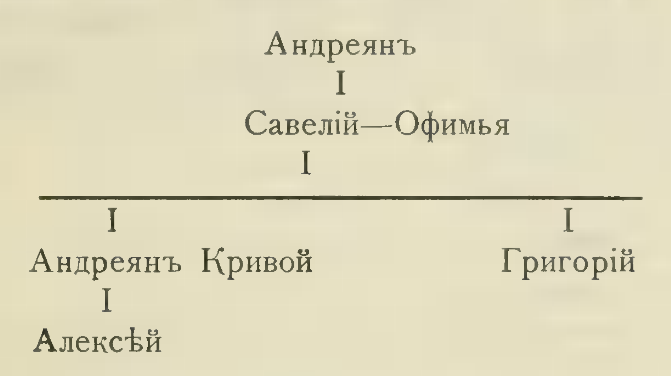
маніе, что посадники избирались изъ ограниченнаго круга боярскихъ семей. Я лично считаю, что не только сынъ, но даже и внукъ иноземца не могъ быть посадникомъ, не смотря даже на богатство, которымъ несомнѣнно обладала семья Савеловыхъ въ Новгородѣ, что ясно видно изъ огромнаго количества селъ и деревень, принадлежавшихъ посаднику Ивану Кузьмичу.

Такимъ образомъ если допустить выѣздъ, то онъ произошелъ значительно раньше и выѣхавшій не былъ дѣдомъ Ивана Кузьмича.

Третій вопросъ въ существованіи именъ Андроса, Савелко, Ивана Кузьмича и ихъ взаимнаго отношенія. За разрѣшеніемъ этого вопроса приходится обратиться къ единственному матеріалу—къ Новгородскимъ Писцов. Книгамъ, которыя сохранили для насъ имена новгородскихъ помѣщиковъ до присоединенія В. Новгорода къ Москвѣ въ 1478 г.; посмотримъ что дадутъ онѣ намъ.

Имя Ивана Кузьмича Савелкова, иногда Савельева, встрѣчается десятки разъ, а потому вопроса о немъ быть не можетъ, Андроса или Антроса мы не находимъ, но зато находимъ упоминаніе о старомъ бояринѣ Савельѣ Андреяновичѣ (III,278) помѣщикѣ Вотской и Шелонской пятинъ (IV,120), жившемъ когда-то на Ильинской улицѣ, находимъ указаніе на Офимью Севельеву жену Андреянова мать Кривого, владѣвшую землями въ Еглинскомъ погостѣ Деревской пятины и тонями въ озерахъ Лутцкомъ и Печнѣ (I,883—5), такимъ образомъ мы получили вмѣсто одного лица Андроса—Савелко сразу двухъ Андреяна или Андрея и его сына боярина Савелія съ его женой Евфиміей, т. ч. Савеловы конца XVII ст. только нѣсколько спутали, но вѣрно указали существованіе обоихъ именъ. Но попробуемъ идти дальше въ нашихъ изысканіяхъ. Жена Савелія Андреяновича—Офимья названа матерью Кривого, котораго мы и находимъ въ Деревской и Шелонской пятинахъ—это Андреянъ Савельевичъ Кривой (II,5,IV,28); въ Дерев-

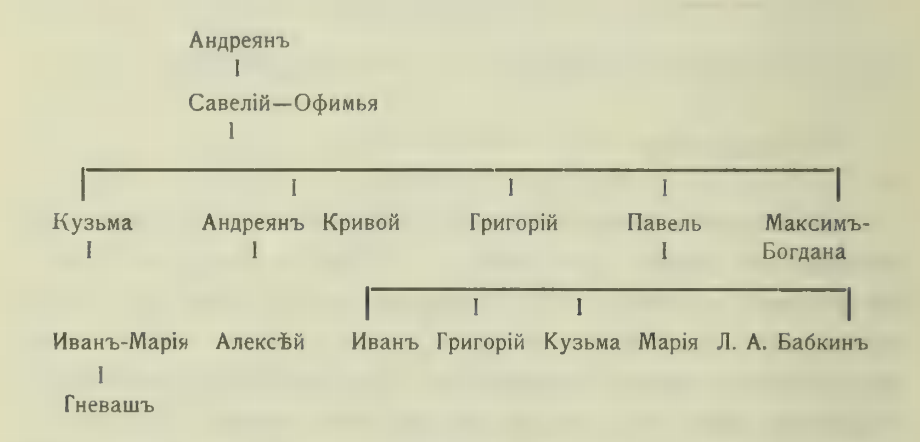
ской пятинѣ находимъ мы еще Григорія Савельева Андреянова брата Кривого (I,587,854), владѣли они землями и въ Вотской пятинѣ (III,584,605), при чемъ здѣсь они названы не Савельевыми, а Савелковыми, въ Вотской же пятинѣ (III,260) мы встрѣчаемъ сына Андреяна—Алексѣя, владѣвшаго волостью совмѣстно съ Иваномъ Кузьмичемъ, но Андреянъ здѣсь почему то названъ не Кривымъ, а Хромымъ, что даетъ намъ возможнсстъ точно опредѣлить тѣлесный недостатокъ Андреяна Савельича. Такимъ образомъ мы совершенно ясно получаемъ слѣдующее родословіе:

Нѣсколько менѣе опредѣленна связь съ этимъ родословіемъ Ивана Кузьмича, т. к, нигдѣ прямого указанія на его родство съ указанными лицами мы не встрѣчаемъ, но связь его съ ними доказывается тѣмъ, что его владѣнія часто смежны съ владѣніями остальныхъ, а иногда даже онъ владѣетъ съ ними совмѣстно, кромѣ того сыну его Гневашу принадлежатъ тони въ Лутцкомъ озерѣ, которыми владѣла и Офимья, жена Савелія Андреяновича, а кромѣ всего этого Иванъ Кузьмичъ также иногда называется Кривымъ—все это вмѣстѣ взятое вполнѣ убѣждаетъ меня въ принадлежности Ивана Кузьмича къ семьѣ Савелія Андреяновича, тѣмъ болѣе, что это вполнѣ совпадаетъ съ показаніями Савеловыхъ XVII ст., мы только не находимъ подходящаго Кузьму, но признавъ Ивана Кузьмича принадлежа-

щимъ къ потомству Савелія Андреяновича мы его совершенно спокойно можемъ считать внукомъ Савелія Андреяновича, сыномъ умершаго до времени составленія писцовыхъ книгъ сына, вѣроятно старшаго.

Кромѣ указанныхъ нами лицъ въ тѣхъ же пятинахъ и погостахъ мы встрѣчаемъ Павла Савельева, иногда называемаго Савелковымъ, дѣтей его Ивана, Григорія (Гридя), Кузьму и Марію, бывшую замужемъ за новгородскимъ же бояриномъ Лукою Афанасьевичемъ Бабкинымъ (III,783), жену Максима Савельева—Богдану (V,64) и Анну съ сыномъ Андреемъ (V,266), Анна владѣетъ землями рядомъ съ Григоріемъ Савельевичемъ, но не зная имени ея мужа привязать ее къ общему родословію невозможно, а остальныя имена даютъ намъ слѣдующую таблицу:

Покончивъ такимъ образомъ съ вопросомъ о родословіи новгородскихъ Савелковыхъ, перейдемъ къ выясненію того положенія, которое они занимали въ В. Новгородѣ и его судьбахъ.

Кромѣ писцовыхъ книгъ мы имѣемъ еще матеріалъ въ Лѣтописяхъ, но тамъ мы встрѣчаемъ свѣдѣнія лишь о двухъ Савелковыхъ—это о бояринѣ Андреянѣ, пріѣхавшемъ 28 октября 1478 г. на Березай служить Госу-

дарю (Татищевъ. Ист. Рос., изд. 1848 г. V, 53) и объ Иванѣ Кузьмичѣ, на дѣятельности котораго мы нѣсколько остановимся.

Раньше чѣмъ перейти къ дѣятельности Ивана Кузьмича, насколько она видна по Лѣтописямъ, думаемъ не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ положенiи, какое занималъ въ Новгородѣ его высшiй классъ вообще и въ частности посадникъ.

„Въ политическомъ отношенiи Господинъ Великiй Новгородъ сложился такъ своебразно, что не легко найти для него подобiе въ другихъ странахъ. По своему народоправленiю и торговопромышленному характеру онъ конечно напоминаетъ и древнiя греко-римскiя республики, и средневѣковыя общины, какъ Итальянскiя, такъ и Сѣверогерманскiя. Въ немъ также можно прослѣдить внутреннюю борьбу двухъ главныхъ республиканскихъ партiй или собственно теченiй, т.-е. аристократiи и демократiи. Но что наиболѣе наложило на него печать своебразности и что подчинило себѣ всѣ другiе интересы, это была его сравнительно огромная территорiя. Обширныя поземельныя владѣнiя составляли главное его богатство; изъ своихъ земель онъ извлекалъ и тѣ естественныя произведенiя, которыя служили предметами его заграничнаго отпуска (мѣха, кожи, воскъ. ленъ, дерево и т. д.). Благодаря этимъ поземельнымъ владѣнiямъ, высшее новогородское сословiе удержало за собой тотъ же характеръ, которымъ оно отличалось и въ другихъ областяхъ Руси, т. е. оно осталось по преимуществу сословiемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, хотя и могло принимать нѣкоторое участiе въ торговыхъ оборотахъ, продавая произведенiя своихъ земель или ссужая людей торговаго класса капиталами, конечно за порядочные проценты. Благодаря большимъ поземельнымъ владѣнiямъ, въ которыхъ жили или крестьяне-земледѣльцы, или крестьяне-промышленники (звѣроловы и рыболовы), платившiе съ нихъ оброки, ново-

городское боярство могло окружать себя толпою домашней челяди и имѣть многочисленныхъ кліентовъ между черными людьми, т.-е. въ бѣднѣйшемъ населеніи В. Новгорода. Оно распоряжалось голосами этихъ людей какъ на большомъ или народномъ вѣчѣ, такъ и въ собраніяхъ по концамъ и улицамъ, и съ ихъ помощію проводило здѣсь свои интересы, особенно въ дѣлѣ выборовъ на высшія должности.

Хотя между купеческимъ классомъ встрѣчались лица, нажившія большія денежныя капиталы и кромѣ того пріобрѣтавшія крупную поземельную собственность, однако въ XIV и XV вѣкахъ очевидно грани между сословіями и права происхожденія уже настолько опредѣлились, что купецъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ, повидимому не получалъ боярскаго званія; по крайней мѣрѣ источники не указываютъ намъ такихъ примѣровъ. Да и получить его было не отъ кого: народное вѣче не раздавало боярства, а княжеская власть была для того въ Новгородѣ слишкомъ слаба. Съ другой стороны не всѣ бояре могли играть видную роль въ такомъ городѣ; для того требовались прежде всего богатство, а потомъ уже даровитость и энергія. Поэтому здѣсь произошло обычное явленіе, которое исторія раскрываетъ намъ въ древнемъ Римѣ и средневѣковой Венеціи: мало-по-малу вліяніе на дѣла и мѣста высшихъ сановниковъ сосредоточились въ рукахъ важнѣйшихъ фамилій. Такъ, насколько это видно изъ лѣтописей, санъ тысяцкаго и въ особенности посадника постоянно вращался въ кругу извѣстныхъ боярскихъ семей, число которыхъ едва ли превышало два, три десятка. Слѣдовательно это была уже явная олигархія. Должности посадника и тысяцкаго въ свою очередь способствовали накопленію значительныхъ богатсвъ въ рукахъ этой олигархіи. Такія должности были очень доходны: въ пользу ихъ шли многочисленныя судебныя пошлины; на содержаніе ихъ назначены были разные поборы съ крестьянъ нѣкоторыхъ волостей или

погостовъ; кромѣ того, эти власти имѣли возможность вымогать большія денежныя суммы съ торговыхъ людей, въ томъ числѣ и съ иноземцевъ.

Взаимное соперничество такихъ фамилій и частые ихъ раздоры за посадничество, при неопредѣленности его срока, давали возможность остальнымъ сословіямъ въ свою очередь сдерживать дальнѣйшее усиліе боярства, сохранять равновѣсіе между знатью и простыми гражданами, и даже по временамъ предоставляли полный просторъ бурнымъ проявленіямъ народной воли. Поэтому въ обычной, такъ сказать будничной, жизни Великаго Новгорода незамѣтно, чтобы богатая знать рѣзко выдѣлялась изъ народа какими-либо особыми привычками, особою роскошью и вообще образомъ жизни. По лѣтописямъ, она заявляетъ о себѣ преимущественно постройкою храмовъ и основаніемъ фамильныхъ монастырей.

Въ древнихъ Греческихъ и средневѣковыхъ итальянскихъ республикахъ мы нерѣдко видимъ, что изъ борьбы демократіи съ аристократіей возникаетъ тираннія, т.-е. какой-либо смѣлый вождь народной партіи захватываетъ въ свои руки верховную власть. Подобнаго явленія не встрѣчается въ Великомъ Новгородѣ во все долгое существованіе его народоправленія. Во-первыхъ, при всемъ развитіи своей самобытности, Новгородъ никогда не былъ вполнѣ независимъ и никогда не выходилъ изъ состава Русскихъ земель, управляемыхъ княжескимъ родомъ Владиміра Великаго (и отчасти родомъ Гедимина) и всегда имѣлъ у себя или князя, или его намѣстника. Во-вторыхъ, само взаимное соперничество знатнѣйшихъ фамилій, ревниво слѣдившихъ другъ за другомъ, и легкость, съ которою возбуждалась вражда партій и свергались посадники, не допускали никакой возможности къ исключительному возвышенію и утвержденію во власти одного какого-либо лица или одной боярской фамиліи. Наконецъ и полное от-

сутствіе готовой военной силы, на которую могло бы опереться какое-либо личное честолюбіе, окончательно устраняло всякое проявленіе туземнаго монархическаго начала въ подобномъ народоправленіи. Постоянная военная сила въ самомъ Новгородѣ существовала въ видѣ небольшой дружины при князѣ или его намѣстникѣ, дружины, приходившей съ нимъ изъ другой области; а туземная земская рать набиралась только на время нужды. Начальство надъ этой ратью хотя принадлежало прежде всего посаднику и тысяцкому, однако народное вѣче рано присвоило себѣ право назначать воеводъ по своему усмотрѣнію.

При всемъ широкомъ развитіи вѣчевого начала въ Великомъ Новгородѣ, не должно преувеличивать значеніе его народнаго вѣча. Это была высшая правительственная и судебная инстанція; но она произносила только окончательныя рѣшенія; а между тѣмъ должно же было существовать какое-либо учрежденіе, которое обсуждало, изслѣдовало и выясняло всякое важное дѣло прежде, нежели оно поступало на рѣшеніе народнаго собранія. Посадникъ и тысяцкій были заняты текущими административными заботами и судебными разбирательствами. Хотя посадникъ предсѣдательствовалъ въ народномъ собраніи и предлагалъ вопросы на его разсмотрѣніе; но не могъ конечно онъ одинъ заранѣе обсудить ихъ и подготовить рѣшеніе въ томъ или другомъ смыслѣ. Во всѣхъ народоправленіяхъ обыкновенно встрѣчаемъ мы постоянное коллегіальное учрежденіе, которое занималось высшими государственными вопросами и пользовалось большею или меньшею степенью власти, смотря по степени развитія самаго народоправленія. Въ Спартѣ оно **Герузія**, въ Аѳинахъ совѣтъ или **вуле**, въ Римѣ **сенатъ**, въ Итальянскихъ республикахъ **сеньорія**, въ Нѣмецкихъ вольныхъ городахъ **ратъ** и т. д. По нѣкоторымъ признакамъ имѣемъ право заключить, что Великій Новгородъ также не былъ чуждъ

подобнаго учрежденія или подобнаго совѣта. Но если и весь его политическій строй и самое народное вѣче не пріобрѣли опредѣленныхъ, строго выработанныхъ формъ, то еще менѣе выработалась здѣсь опредѣленная и постоянная форма высшаго правительственнаго совѣта. Поэтому въ лѣтописяхъ мы находимъ болѣе намеки на его существованіе, чѣмъ ясныя, положительныя указанія. Скорѣе такія указанія встрѣчаются въ иноземныхъ источникахъ, именно въ грамотахъ Ганзейскихъ городовъ, которымъ нерѣдко приходилось имѣть дѣло съ названнымъ учрежденіемъ по своимъ торговымъ дѣламъ и привилегіямъ. Судя по Новгородскимъ лѣтописямъ, этотъ совѣтъ или собственно его ядро, кромѣ состоявшихъ на должности высшихъ сановниковъ, т.-е. степеннаго посадника, степеннаго тысяцкаго и кончанскихъ старостъ, составляли такъ-называемые старые посадники и старые тысяцкіе, число которыхъ, при извѣстной частой смѣнѣ сановниковъ, могло простираться до нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. А если взять въ разсчетъ указанія ганзейскихъ грамотъ, то въ составъ совѣта, повидимому, входили главы всѣхъ боярскихъ фамилій; въ одномъ случаѣ число членовъ совѣта или думы опредѣлено (скорѣе преувеличено) въ 300 человѣкъ. Тѣ же указанія называютъ ихъ „золотыми поясами“; такіе украшенные или шитые золотомъ кушаки вѣроятно составляли отличительную внѣшнюю черту знатнаго и богатаго сословія. Слѣдовательно, этотъ совѣтъ въ сущности былъ ничто иное, какъ боярская дума, встрѣчающаяся во всѣхъ древнихъ Русскихъ княженіяхъ. Сначала и собиралась она на Городищѣ, т.-е. подлѣ князя; а когда сами князья перестали тамъ жить и посылали туда своихъ намѣстниковъ, приблизительно XIV вѣка, то и боярская дума стала собираться на владычномъ дворѣ, который въ это время сдѣлался важнѣйшимъ средоточіемъ правительственной дѣятельности въ Вел. Новгородѣ. Каково бы ни было взаимное соперни-

чество бояръ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, все-таки они имѣли многіе общіе сословные интересы, которые заставляли ихъ нерѣдко сплачиваться и дружно отстаивать свое значеніе и свои привилегіи противъ народной толпы. Поэтому боярская дума не только ограничивала власть высшихъ сановниковъ, но и оказывала несомнѣнное вліяніе на народное вѣче, и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствовала дружно, склоняла его рѣшенія согласно съ своими видами. Какъ народное вѣче препятствовало развитію олигархіи, такъ боярская дума въ свою очередь мѣшала крайнему развитію самаго народнаго вѣча; она не давала утвердиться охлократіи или полному господству толпы". (Иловайскій. Ист. Рос., т. 2, стр. 340—344).

Вторая половина XV вѣка проходила весьма бурно на берегахъ Волхова. Въ это время среди русскихъ княженій выдвинулосъ въ Пріокскомъ краѣ новое Великое Княженіе Московское, постепенно подчинявшее себѣ своихъ сосѣдей, одинъ за другимъ присоединялись къ Москвѣ мелкіе удѣлы, а за ними почувствовали силу Московскихъ князей и сильныя великія княженія и къ тому времени, когда разыгралась новгородская драма уже было присоединено къ Москвѣ В. К. Ярославское, а когда-то сильный сосѣдъ В. Новгорода в. к. Тверской также ожидалъ той же участи. Все это, конечно, не могло не тревожить новгородцевъ, которые ясно чувствовали намѣреніе Іоанна III наложить свою руку и на вольный Новгородъ, тѣмъ болѣе, что уже отецъ Іоанна III Василій Темный еще въ 1456 г. разбилъ новгородцевъ, бывшихъ подъ предводительствомъ лишеннаго Москвою своего удѣла князя Василія Суздальскаго, и Новгородъ подвергся нѣкоторымъ ограниченіямъ и долженъ былъ заплатить 8500 р. дани, съ этого времени стало ясно, что самостоятельности Новгорода скоро будетъ положенъ конецъ.

Естественно, что результатомъ всего этого въ Нов-

городѣ появились многочисленныя партіи и въ числѣ ихъ была партія, искавшая поддержки противъ Московскихъ притязаній у врага Москвы-у Литовскаго князя Казиміра, во главѣ этой партіи стала богатая и энергичная вдова посадника Исаака Борецкаго—Марфа, къ этой же партіи примкнулъ на свою погибель и Иванъ Кузьмичъ Савелковъ, котораго мы видимъ въ 1471 г. въ составѣ посольства къ Казиміру (Карамз. VI, прим. 42), результатомъ чего было появленіе Московскихъ войскъ въ предѣлахъ Новгородской области, окончившееся пораженіемъ новгородцевъ на берегахъ Шелони. Это былъ страшный разгромъ Литовской партіи, многіе изъ виднѣйшихъ ея представителей сложили свои головы на плахѣ, другіе были разосланы по Московскимъ тюрьмамъ, а Иванъ Кузьмичъ съ 30 слугами бѣжалъ въ Литву и его имени мы не находимъ въ докончальной грамотѣ Новгорода съ В. К. Московскимъ 11 августа 1471 г., эта попытка уйти въ Литву окончилась неудачно, по словамъ лѣтописи, (П. С. Р. Л. VI, 236) его король не пожаловалъ, люди его покинули и онъ возвратился въ Новгородъ самъ третей.

16-го ноября 1475 г. Иванъ Кузьмичъ въ числѣ другихъ посадниковъ, тысяцкихъ и бояръ встрѣчалъ в. к. Московскаго въ с. Васильевѣ (П. С. Р. Л. VI, 200), но время въ Новгородѣ было, конечно, неспокойное, отношеніе и къ в. к. Московскому и другъ другу часто мѣнялось и чрезъ 9 дней послѣ встрѣчи в. к. люди Ивана Кузьмича, а можетъ быть и онъ самъ, приняли участіе въ одномъ изъ уличныхъ побоищъ, которыя нерѣдко происходили въ то время кипѣнія общественной жизни въ В. Новгородѣ, вотъ что говоритъ по этому поводу Лѣтопись:

„Того же мѣсяца ноября 26-го, въ субботу, били челомъ Великому Князю на городищи мнози Новогородцы, двѣ улицы, Славкова да Никитина, на Бояръ Новогородскихъ и на Посадника Степеннова, Василья Ананьи-

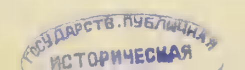
на, на Богдана Есипова, на Өедора Исакова, на Григорья Тучина, на Ивана Лошинскаго, на Василья Никифорова, на Матвея Зелезенева, на Якова Селезева, на Андрея Исакова Телятева, на Луку Афонасова, на Мосея Федорова, на Семена Афонасова, на Костянтина Бабкина, на Алексія Кшиина, на Василья Тютрюма, на Василья Балакшу, на Ефима Ревшина, на Григорья Кошуркина, и на Офимьины люди Есипова Горшкова, и на сына ее Ивана, и на Ивановы люди Савелкова и на протчихъ, что наѣхавъ тѣ со многими людми на тѣ двѣ улицы, людей перебили и переграбили, а животовъ людскихъ на 1000 рублевъ и болѣе взяли, а нѣкоторыхъ и до смерти побили. Того же дни били челомъ Великому Князю Бояря, Лука да Василей, Исаковы дѣти Полинарьина, на Богдана Есипова, да на Василья Никифорова, да на Памфила, старосту Өедоровскіе улицы, что наѣхавъ на ихъ дворъ, людей у нихъ перебили, а животъ разграбили, а взяли у нихъ 500 рублевъ. Князь же Великій всѣмъ тѣмъ жалобникомъ далъ приставовъ своихъ, на коихъ они жаловалися, Дмитрея Чубарова, Өедца Мансурова, Василья Далматова; а когда тѣ всѣ жалобы предъ Великимъ Княземъ износили, тогда былъ у Великаго Князя богомолецъ его, Архіепископъ Өеофилъ, а съ нимъ Посадники, Захарья Овинъ, да братъ его Косма, да Казимиръ съ братомъ Яковомъ, да Лука Досадовъ, Өедоровы дѣти, и иные Бояре Новогородскіе, и житьи люди, и Князь Великій Владыцѣ и Посадникомъ тако рекъ: Думаю, чтобы ты, богомолецъ нашъ, и вы Посадници нашея отчины Великаго Новаграда, дали бы есте своихъ приставовъ на тѣхъ силняковъ, на коихъ азъ своихъ приставовъ обидимымъ подавалъ. Понежа хощу азъ того посмотрѣти, и ты бы, мой богомолецъ, и вы Посадники тогда у меня же были, хощетъ бо ми ся обидимымъ управа дати. А къ вотчинѣ своей, Новугороду, поѕлалъ о томъ Князь Великій Бояръ своихъ, Өедора Давыдовича и Ивана Борисови-

ча, чтобы дали своихъ приставовъ на тѣхъ обидящихъ братію свою, и Новогородцы дали своихъ приставовъ, Назара да Василья Анфимова, и велѣли тѣхъ Бояръ насилующихъ, съ приставы Великаго Князя, позвати и они предъ Великаго Князя призвали ихъ того же дни, въ субботу, и велѣли стати имъ на утріи въ недѣлю предъ Великимъ Княземъ. На утріи же въ недѣлю, Ноября 26-го, обидящіи и обидѣнные, всѣ сташа предъ Великимъ Княземъ на городищи, старосты улицкіе, Славковы и Микитины, со всѣми уличаны, да Исаковы дѣти Полинарьина, Лука да Василей Онаньинъ посадникъ съ протчими прежде написанными, на нихъ же была жалоба, отвѣчати стали; а у Великаго Князя тогда былъ богомолецъ его, Владыка Өеофилъ, и Посадницы Новогородстіи, и начать судити ихъ, и судивъ ихъ и обыскавъ жалобниковъ отправилъ, а тѣхъ всѣхъ, кои находили, и били, и грабили, обвинилъ, и велѣлъ Князь Великій Василья Онаньина, да Богдана Есипова, Өедора Исакова, да Ивана Лошинскаго поимати, и взяли ихъ дѣти Боярскіе, Василья Онаньина, Ивана Таваркова, Богдана Русалка, Өедора Исакова, Никита Беклемишевъ, Лошинского Звенецъ, а товарищевъ ихъ всѣхъ велѣлъ Князь Великій своимъ приставомъ подавати на крѣпкіе поруки, въ полуторѣ тысящи рублевъ исцовыхъ, и взялъ ихъ за себя Архіепископъ. Тогда же Князь Великій, выславъ отъ себя вонъ Ивана Афонасова, да сына его Алферіа, поимати же велѣлъ въ томъ, что совѣтовали Новугороду отъ Великаго Князя датися за Короля, а взялъ Ивана Василей Китай, а сына его Юрей Шестакъ. Потомъ въ третій, во вторникъ, пріиде къ Великому Князю на городище Архіепископъ и Посадницы бити челомъ отъ всего Новагорода о изыманныхъ Боярехъ, чтобы пожаловалъ смиловался, казни ихъ отпустилъ и на поруку ихъ далъ. Князь же Великій владычня челобитья и Новагорода не прія, а отвѣща имъ такъ: Вѣдомо тебѣ, богомолцу нашему, и

всему Новуграду, отчинѣ нашей, колико отъ тѣхъ Бояръ и напредъ сего лиха чинилося, и нынѣ что есть лиха отчинѣ нашей, то все чинится отъ нихъ; како убо ихъ мнѣ за то жаловати? И послалъ ихъ того же дни оковавъ къ Москвѣ со своими приставы. Мѣсяца декабря 1-го, паки пріиде къ Великому Князю на городище Архіепископъ, а съ нимъ и Посадницы мнози, Василей и Казимиръ съ братомъ Кузмою, Θеофилактъ Захарьинъ, Афонасей Остафевъ Грузъ, Лука да Яковъ Θедоровы, и иные Посадники, и Тысяцкіе, и Бояря, и житьи мнози, бити челомъ Великому Князю отъ всего Великаго Новаграда о винныхъ, о Григорьѣ Тучинѣ, и Васильѣ Никифоровѣ, о Матвеѣ Зелезеневѣ, и о всѣхъ товарищехъ ихъ, которыхъ взялъ Владыка за себя на поруку, чтобы Князь Великій пожаловалъ смиловался тѣмъ виновнымъ людемъ, казни ихъ отдалъ, а вину бы свою на нихъ велѣлъ имати по грамотѣ, и истцомъ убыли ихъ велѣлъ на нихъ правити; и Князь Великій богомолца ради своего и отчины своея Великаго Новаграда, челобитья тѣхъ винныхъ людей, казни пожаловалъ отдалъ, а истцевъ ихъ убытки полторы тысячи рублевъ велѣлъ на нихъ приставомъ доправити, а вину свою велѣлъ на нихъ имати по грамотѣ, на всѣхъ порознь; и приставы то все на нихъ взяли, и иныхъ многихъ Бояръ судилъ и управлялъ и обидимыхъ отъ сильныхъ жаловалъ обоžupanронялъ. Мѣсяца Генваря 19-го бысть пиръ у Архіепископа Θеофила Великому Князю, даровъ 1000 золотыхъ Угорскихъ и Венецейскихъ, да 1000 корабленикова, да ковшъ золоты съ жемчюги три гривенки, да два рога турьихъ, окованы золотомъ, да миса серебреная, 12-ть гривенокъ, да 18-ть поставовъ сукна разныхъ цвѣтовъ, да 10 сороковъ соболей; а на проводы челомъ ударилъ Архіепископъ Великому Князю три бочки вина бѣлого, да двѣ бочки меду старого. Того жъ мѣсяца Генваря 20-го Великому Князю челомъ ударили: Фома Степенной, Посадникъ, да Тысяцкой Василей Есиповъ сынъ, отъ

всего Великаго Новаграда 1000 рублевъ, явили поминка, которые Посадники и Тысяцкіе не успѣли пировъ чинити про Великого Князя; тѣ всѣ съ дары приходили бити челомъ Великому Князю, что было имъ на пирехъ дарити чемъ Великого Князя, такожде и купцы, и житьи люди лутчіи всѣ; ни каковъ не остался, которой бы не пришелъ съ дары, а и молодые люди съ поминки многіе у него съ челобитьемъ были; а Князь Великій всѣхъ Посадниковъ, и Бояръ, и Тысяцкихъ, и посадничихъ дѣтей, и купцевъ, и житьихъ людехъ жаловалъ отъ себя, всѣмъ жалованье свое отъ дорогихъ портъ, и отъ камокъ, и купки, и ковши серебряные, и сороки соболей давалъ, и кони, коемуждо по достоинству. Мѣсяца Генваря 26-го, во вторникъ, выѣхалъ Князь Великій изъ Новаграда къ Москвѣ утра рано, а былъ ему первой станъ у Николы Святаго на Волочкѣ, и Владыка пріѣхалъ за нимъ на тотъ станъ челомъ ударити, а съ нимъ Князь Василей Шуйской, да Посадникъ Василей Казимиръ съ братомъ Яковомъ, да Захарій Овинъ Григорьевъ съ братомъ Кузмою, да Лука съ Яковомъ Ѳедоровы, и иные Посадники, и Бояре многіе и житьи; а билъ Владыка, ударивъ челомъ Великому Князю двѣ бочки вина бѣлого да краснаго; а Князь Василей, и Посадники, и всѣ, которые съ нимъ пріѣхали, по мѣху вина, и Князь Великій звалъ ихъ ѣсти къ себѣ, и ѣли и пили у него, и дарилъ Владыку и Князя Василья и протчихъ". (Татищевъ. Исторія Россійская, кн. V, 43-46).

На этотъ разъ повидимому судьба благопріятствовала Ивану Кузьмичу, его отпустили если не безъ убытка, то по крайнѣй мѣрѣ все же на свободу, въ слѣдующемъ году онъ не на долго попадаетъ въ посадники, въ 1477 г. онъ въ числѣ другихъ ѣдетъ въ Москву, „а того, говоритъ лѣтописецъ, не бывало какъ земля ихъ стала и какъ великіе князи отъ Рюрика учали быти на Кіевѣ, и на Володимерѣ, и на Москвѣ, и до сего великого князя Ивана Васильевича". (VI,18).

Все предвѣщало близкій конецъ Господину Великому Новгороду, гроза разразилась уже въ началѣ 1478 г., 1 февраля былъ взятъ купецкій староста Маркъ Панфильевъ, 2-го схвачена знаменитая Марфа Борецкая съ внукомъ Василіемъ Ѳедоровичемъ, 3-го отобраны докончальныя грамоты новгородцевъ съ в. к. Литовскими, 6-го взятъ Григорій Арзубьевъ, бывшій посадникъ, а 7-го дошла очередь и до Ивана Кузьмича, вотъ что читаемъ мы въ Лѣтописи: „Февраля 7 велѣлъ князь велики отвезти къ Москвѣ поиманыхъ Новугородцевъ, Марфу Исакову со внукомъ, Ивана Кузмина сына Савелкова, да Окинфа съ сыномъ Романомъ, да Юрья Репехова, да Григорья Арзубьева, да Макарка Панфильева; а животы ихъ всѣхъ велѣлъ на себя отписати“. (VI,220).

А животовъ этихъ было не мало, достаточно заглянуть въ однѣ Новгородскія Писцов. Книги. Съ этого времени мы теряемъ изъ виду Ивана Кузьмича, надо думать, что онъ покончилъ расчеты съ жизнью въ одной изъ Московскихъ тюремъ, вспоминая въ своемъ заточеніи про славные дни Господина Великаго Новгорода.

Семья Ивана Кузьмича осталась въ Новгородѣ, какъ она была велика мы не знаемъ, т. к. въ Новгородскихъ Писцовыхъ Книгахъ мы находимъ только его жену Марію, владѣвшую совмѣстно съ Офимьею Горошковою и Кузьмой Грузовымъ сельцомъ Коложицы въ Григорьевскомъ погостѣ Вотской пятины и сына Гнѣваша, который владѣлъ въ Енглинскомъ погостѣ Деревской пятины нѣсколькими деревнями, сельцомъ надъ Ловенцовымъ озеромъ и тонями въ Лутцкомъ озерѣ (I,874), которыми владѣла еще его прабабка-жена боярина Савелія Андріановича-Офимья. Въ это время произошло превращеніе прозванія Савелковыхъ на Савеловыхъ-является вопросъ почему, на него, конечно, отвѣтить можно только предположительно. Не было ли это желаніемъ скрыться отъ

московскихъ глазъ, вытравить изъ памяти новыхъ хозяевъ всякое воспоминаніе о главныхъ дѣятеляхъ новгородскихъ событій, къ каковымъ несомнѣнно принадлежалъ Иванъ Кузьмичъ.

Послѣ Новгородскаго разгрома Савеловы скрываются съ горизонта и превращаются изъ богатѣйшихъ гражданъ, какъ ихъ называетъ Карамзинъ, въ мелкій помѣстный родъ, но живутъ еще на своихъ старыхъ насиженныхъ мѣстахъ, пока грозный царь Московскій не разсѣялъ несчастныхъ соотечественниковъ Марфы посадницы по всей землѣ русской.

У Гневаша Ивановича мы знаемъ трехъ сыновей: Ивана, Посника и Семена, двое первыхъ владѣли, согласно Писцовымъ Книгамъ, тѣми же деревнями, которыми владѣлъ и ихъ отецъ, т. е. селомъ надъ Ловенцовымъ озеромъ, нѣсколькими селищами и деревнями, третьяго же мы знаемъ только изъ родословной росписи, которая сообщаетъ намъ также и о томъ, что „Иванъ да Посникъ переведены и испомѣщены-Иванъ въ Можайску, а Посникъ въ Ростовѣ, а Семенъ з дѣтми остался въ Новгородѣ“. О Семенѣ и его потомствѣ мы ничего не знаемъ, хотя и встрѣчаемъ нѣсколькихъ Савелковыхъ и Савеловыхъ, связать которыхъ съ общимъ родословіемъ мы положительно не можемъ-это Андрей Савеловъ, убитый подъ Оршею (возможно что въ 1514 г.), жена его Өѳросинья и сынъ Василій, служившій 30 лѣтъ и по болѣзни въ 1556 г. постригшійся въ монашество (М. А. М. Ю. Карабановскіе столбцы № 154), Осипъ Ивановичъ Савелковъ и его сынъ Панфилъ убитые въ 1552 г. казанцами въ бою на Волгѣ и имена которыхъ записаны въ синодикѣ Успенскаго Собора, Нижегородскій сынъ боярскій Меншикъ Осиповичъ Савеловъ, убитый во время прихода Крымскаго царя Девлетъ Гирея въ 7079 г. и новосилецъ Прокофій Савелковъ убитый въ Брестскомъ походѣ (Имп. Публ. Биб. F. IV,254), отдѣльныхъ лицъ мы продолжаемъ встрѣчать вплоть до

начала XVIII ст., такъ мы знаемъ Якова Семеновича (1653 г.), Якова Лукича и Екима (1722), всѣ они служатъ дворянами Новгородскаго архіепископа (М. А. М. Ю. Дѣла Герольдм. Конторы, кн. 10, л. 1081; кн. 43, л. 103; кн. 49, л. 210).

Подъ 1684 г. встрѣчаемъ Данковскаго помѣщика Сафона Игнатьевича Савелова, имѣвшаго сына Лаврентія и внука Ивана (Вотчин. Арх. по г. Ряжску, д. ст. л. кн. 14029/1, д. 13), подъ 1694 г. сынъ боярскій Тимофей Савелковъ былъ посланъ изъ Ливенъ съ вѣстями къ Елецкому воеводѣ, подъ 1678 г. служили по Алексину Василій и Гаврило Ѳедоровичи и Кипріянъ Владиміровичъ Савелковы, въ XVII ст. встрѣчаемъ Савеловыхъ въ Бѣлгородскомъ и Корочинскомъ уѣздахъ. Нѣкій Мина Яковлевичъ Савеловъ, помѣщикъ Затруцкаго стана, Ливенскаго уѣзда, въ 1616 г. переселился въ Бѣлгородъ, весьма возможно, что онъ и является родоначальникомъ этихъ неизвѣстныхъ Бѣлгородскихъ и Корочанскихъ Савеловыхъ.

Послѣ мины Яковлевича мы находимъ подъ 1638 г. бѣлгородца Артемія Яковлевича, имѣвшаго сына Елисея, упоминаемаго какъ помѣщика Бѣлгородскаго уѣзда подъ 1686 г., дочь котораго была за Тимофеемъ Ѳомичемъ Подставкинымъ. Въ послѣдней четверти XVII ст. въ Бѣлгородѣ, среди дѣтей боярскихъ и помѣщиковъ Бѣлгородскаго уѣзда, встрѣчаемъ: Харлама, Якова, Никифора, Михаила и Андрея Аггеевичей и сына Харлама-Филимона.

Въ Корочѣ впервые мы встрѣчаемъ Савеловыхъ подъ 1645 г. въ лицѣ сына боярскаго Матвѣя Матвѣевича, получившаго къ этому году Государево жалованье-два рубля съ полтиною; подъ 1682 г. находимъ сына же боярскаго Василія, вѣроятно сынъ котораго Тимофей владѣлъ помѣстьемъ въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ въ 1722 г.

Подъ 1734 г. мы находимъ помѣщиковъ дер. Афа-

насовой Семена, Евдокима и Фрола Дементьевичей. Нѣтъ ничего невозможнаго, что это вѣтви одного дерева, но возможно ли будетъ когда-нибудь связать ихъ въ одно цѣлое-будемъ надѣяться, что да.

Вернемся теперь къ старшимъ внукамъ Ивана Кузьмича-къ Ивану и Поснику Гневашевичамъ, мы не имѣемъ прямого указанія на ихъ выселеніе изъ Новгорода, но надо думать, что оно послѣдовало послѣ окончательнаго разгрома Новгорода Іоанномъ IV зимой 1570/71 г., о томъ, что происходило въ это время въ Новгородѣ пусть намъ раскажетъ Лѣтопись.

„Бысть посѣщеніе Божіе, Богу попустившу, а врагу дѣйствующу, грѣхъ ради нашихъ: наущеніемъ зломысленныхъ богоотступниковъ и злыхъ человѣковъ вложиша во умъ и во уши царевы непріязненныя и сопротивныя глаголы измѣнныя на архіепископа Новгородскаго Пимена, и на его владычнихъ бояръ, и на лутчихъ людей посадскихъ и именитыхъ, еже о преданіи Великаго Новаграда иноплеменнымъ; и отъ сихъ ложныхъ глаголъ ожесточися (сердце) царево гнѣвомъ и яростію великою на отчину свою Великій Новъградъ и на вся люди, живущія в Великомъ Новѣградѣ и во окрестныхъ мѣстѣхъ около (Великого) Новаграда.

В лѣто 7078, генваря въ 2 день, государь царь и великій князь Іоаннъ Василіевичь всея Россіи послалъ в Великій Новъградъ, напредь себя, изгономъ, предній полкъ свой, воеводъ, и бояръ, и князей, и дѣтей боярскихъ и всякихъ воинскихъ людей множество многое. Они же, пріѣхавъ, по повелѣнію цареву около всего Новаграда великіе крѣпкіе заставы учиниша, со всякимъ утверженіемъ, и повелѣша стражемъ крѣпко стрещи градъ, дабы ни единъ человѣкъ изъ града не убѣжалъ; а иные бояра и дѣти боярскіе того же передоваго полку, повелѣніемъ государевымъ, розъѣхашася по манастыремъ, иже около Великаго Новаграда, и запечаташа

манастырскіе церковные и денежные казны, а игуменовъ, и черныхъ священниковъ, и діаконовъ и соборныхъ старцовъ, изо всѣхъ Новгородскихъ манастырей, взяша с собою в Великій Новъградъ, числомъ до пятисотъ человѣкъ старцовъ и болше, и всѣхъ поставиша на правежъ, до государева пріѣзду; а иные дѣти боярскіе того же передового полку, собравши со всего Великого Новаграда всѣхъ церквей поповъ и діаконовъ, и подаваша ихъ за приставы по 10 человѣкъ приставу, и повелѣша ихъ у себя держати крѣпко во узахъ желѣзныхъ, и на всякъ день повелѣша ихъ бити на правеже отъ утра и до вечера, а правити на нихъ числомъ по 20 рублевъ Новгородскихъ, до искупу; а иные дѣти боярскіе того же передового полку по всему Великому Новуграду, по улицамъ, у всѣхъ приходскихъ церквей подцерковныя и домовныя палаты у именитыхъ людей у Новгородцовъ, со имѣніемъ ихъ, печаташа, и многіе стражи приставиша крѣпко стрѣщи, до государеву пріѣзду; а иные дѣти боярскіе, повелѣніемъ государевымъ, во градѣ гостей, и приказныхъ людей, государевыхъ именитыхъ и торговыхъ людей переимаша и передаваша ихъ по приставомъ, (и повелеша ихъ приставомъ) держати крѣпко во оковахъ желѣзныхъ, а домы ихъ и имѣнія запечаташа, а женъ ихъ и дѣтей повелѣша стражемъ стрещи, до государева пріѣзду и до указу. Того же лѣта, генваря в 6 день, на вечеръ въ самый праздникъ, в пятокъ, пріѣхалъ в Великій Новъградъ государь царь и великій князь Іоаннъ Васіліевичь всея Россіи, а с нимъ сынъ его Іоаннъ Іоанновичь, и князей и бояръ и дѣтей боярскихъ многіе полки, и прочихъ воинскихъ людей множество, да с нимъ же государемъ 1500 стрѣлцовъ Московскихъ; и, пріѣхавъ, сталъ со всѣми силами на Торговой сторонѣ, на Городищи, отъ града отъ посаду 2 поприща. А в другой день, в субботу, повелѣ государь игуменовъ, и черныхъ священниковъ, и діаконовъ и соборныхъ старцовъ, которые прежде его

поиманы в передовомъ полку и поставлены на правежи, избивати ихъ палицами на смерть; и, бивъ ихъ, повелѣ когождо во свой манастырь розвозити и погребати. А в недѣлю, в 8 день, поѣхалъ государь, со всѣми своими полки, в Новъгородъ к Софіи Премудрости Божіи к обѣдни, и встрѣчалъ его государя, по обычаю царскому и по закону, со кресты и с чюдотворными іконами, архіепископъ Новгородскій Пиминъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, у чюдного креста на Волховскомъ мосту, и хотяше его благословити, по обычаю царскому крестомъ оградити, и сына его,-и государь ко кресту не пошелъ, ни сынъ его; а говорилъ государь архіепископу Пимину: ты, убо, злочестиве, имѣеши в руцѣ своей не крестъ животворящій, но вмѣсто креста оружіе, и симъ убо оружіемъ и зломысліемъ своимъ, и с своими творцы и единомысленники, града сего жители, хощете нашей царской державы отчину нашу Великій Новъградъ предати иноплеменникомъ, королю Полскому Жигимонту Аѵгусту; отселѣ убо впредь не наречешися пастырь и учитель и сопрестолникъ великія церкви святѣй Софіи Премудрости Божія, но волкъ и хищникъ и губитель наречешися, и измѣнникъ, нашему царскому багру и вѣнцу досадитель. И таковая яростная словеса изглаголавъ, повелѣ архіепископу со кресты итти в церковь святѣй Софіи и литургію служити, со всѣмъ освященнымъ соборомъ; и самъ государь, с царевичемъ, и со князи и з бояры своими, и со всѣми служивыми людми, поиде в слѣдъ святыхъ іконъ чюдотворныхъ к Премудрости Божіи Софіи, и слушалъ обѣдню, и пошелъ ко архіепископу Пимину в столовую палату хлѣба ясти, со всѣми воинскими полки и людми. И какъ государь сѣлъ за столъ и началъ ясти, и вскорѣ, ничтоже помедливъ, возопилъ гласомъ великимъ, с яростію, бояромъ своимъ, царскимъ ясакомъ; и въ той часъ повѣлѣ государь архіепископлю казну, и дворъ его владычень и всѣ палаты и клѣти пограбити, и бояръ его владычнихъ и всѣхъ

слугъ его, до указу своего, в крѣпи держати, а самого же владыку Пимина повелѣ ограбити и за сторожу отдати, и повелѣ крѣпко стрѣщи его, и (повеле) давати ему из казны на всякій день по двѣ денги на кормъ. А дворецкому своему Лву Андреевичу Салтыкову и протопопу Еустаѳію и прочимъ бояромъ своимъ повелѣ государь итти в соборную церковь святыя Софіи, и взяти ризную казну, и прочія драгія освященныя вещи церковныя, и святыя Корсунскія іконы, ризы и колокола, и по всему Великому Новуграду и около Новаграда, по манастыремъ и по всѣмъ церквамъ, казну, и иконы, и прочія драгія освященныя вещи и колокола (повелѣ такожде имати. Самъ же государь съ царевичемъ поѣде на Городище, и, пріѣхавъ), такожде повелѣ приводити из Великаго Новаграда владычнихъ бояръ и иныхъ многихъ служивыхъ людей, и женъ ихъ и дѣтей, и] повелѣ ихъ пред собою горцѣ мучити и лютѣ и безчеловѣчнѣ, всякими различными муками; и по многихъ неисповѣдимыхъ горкихъ мукахъ, повелѣ государь тѣлеса ихъ нѣкоею составною мукою огненною поджигати, и своимъ дѣтемъ боярскимъ повелѣ тѣхъ мученыхъ людей за руки, и за ноги и за головы, (различно тонкими ужи привязывати) по человѣку к санемъ конскимъ, и быстро влещи за санми на великій Волховскій мостъ, и повелѣ ихъ с мосту метати в рѣку Волховъ. А жены ихъ и дѣти, мужескій полъ и женскій, младенцы с сущими млекопитаемыми, и всякъ возрастъ, повелѣ государь привозити на Волховскій мостъ и возводити на высоту, иже на то устроено бысть, и вязаху за руки и за ноги опако назадъ, а младенцевъ к матеремъ вязаху, и с великія высоты повелѣ государь метати ихъ в рѣку Волховъ; а иные дѣти боярскіе и воинскіе люди в то время, в малыхъ судѣхъ, ѣздяху по Волхову со оружіемъ и с рогатынями, и с копіи, и с топоры и з багры,- и кто спловетъ на верхъ воды, и они, прихватывая багры, людей копіи и рогатыни прободающе и топоры сѣ-

куще, и во глубину безъ милости погружаху, предающе горцѣй смерти. И таково горе и мука бысть отъ неукротимыя ярости царевы, паче же отъ Божія гнѣва, грѣхъ ради нашихъ, яко на пять недѣль и болѣ по вся дни в воду вметаше всякаго возраста человѣкъ до 1000 на день, а иного дни (и) до полуторы тысящи, а тотъ убо день благодаренъ, коего дни въвергнутъ в воду пятьсотъ или шестьсотъ человѣкъ. И по скончаніи того, государь (съ) своими воинскими людми начать ѣздити около Великаго Новаграда по монастыремъ, и повелѣ грабити церковные и манастырскіе казны, и келліи, и служебные манастырскіе домы, и всякіе обиходы, а еже въ житницахъ и на поляхъ и въ скирдахъ стоячей немолоченой хлѣбъ повелѣ огнемъ сожигати, а скотъ всякой, лошади и коровы, повелѣ посѣкати. Потомъ пріиде во градъ, со многимъ воинствомъ, и по всѣмъ торгамъ у торговыхъ людей в лавкахъ всякіе товары повелѣ грабити, и лавки разсѣкати и до основанія разоряти. Посемъ же государь, со всѣми воинскими людми, поѣхавъ по всѣму граду и по всѣмъ посадомъ, и повелѣ у всѣхъ градскихъ жителей, во всѣхъ домѣхъ и в подцерковіяхъ и в палатахъ, имѣнія ихъ грабити, и самыхъ мужей и женъ без пощадѣнія и без останка бити, и (грабити) дворы ихъ, и в хоромахъ окна и ворота повелѣ высѣкати. В то же время повелѣ государь своихъ князей и бояръ, опричь воинскихъ людей, розсылати около Великаго Новаграда на всѣ четыре стороны, во вся пятины, по craномъ, и по волостямъ, и по усадбамъ боярскимъ, и по помѣстьямъ, и по всѣмъ мѣстамъ отъ Великаго Новаграда верстъ за 200 и за 300 и болше, и повелѣ домы ихъ грабити и всячески расхищати и скотъ ихъ убивати, без пощадѣнія. И бысть того колебанія и кровопролитія Великому Новуграду и около Новаграда без престани 6 недѣль. И того же 78 года, февраля в 13 день, на 2 недѣли святаго великаго поста в понедѣлникъ, повелѣ государь оставшихъ Новгород-

цовъ, изъ всякой улицы по человѣку, поставити предъ собою. Они же сташа дряхли и унылы, отчаявшеся живота своего, и стояху яко мертвіи. И государь, возрѣвъ на нихъ кроткимъ и милостивымъ окомъ, глагола имъ свое царское слово: мужіе Новгородстіи, вси, оставшіися милостію всесильнаго Господа Бога, и пречистыя его Матере и всѣхъ святыхъ его, молите о нашемъ царскомъ благочестивомъ державствѣ и о чадѣхъ нашихъ Іоаннѣ и Ѳеодорѣ, и о всемъ нашемъ христолюбивомъ воинствѣ, чтобъ намъ Богъ подаровалъ свыше побѣду и одолѣніе на вся видимыя и невидимыя враги наша и сопостаты; а судитъ Богъ общему нашему измѣннику и вашему Новгородскому архіепископу Пимину и его злымъ совѣтникомъ (и единомысленникомъ), и вся та кровь взыщется на нихъ измѣнникахъ, еже проліяна нынѣ бысть; вы же о семъ нынѣ не скорбите, и живите во градѣ семъ благодарно; се убо оставлю вамъ во градѣ семъ правителя боярина и воеводу князя Петра Даниловича Пронскаго. И сія рекъ, отпусти ихъ во свояси, а самъ поидѣ, съ царевичемъ, и со князи своими и бояры, и со всею воинскою силою, во Псковъ. А владыку Новгородскаго, и поповъ и діаконовъ, которые не искупилися отъ правежу, и прочихъ досталнихъ Новгородцовъ, опалныхъ людей, повелѣ отслати за приставы во Александрову слободу, до своего царскаго пріѣзду. И пріѣхавъ к Москвѣ повелѣ со владыки святительскій санъ сняти и в заточеніе посла в монастырь на Резань к Ніколаю чудотвоцу на Деневу, онъ же не по мнозѣ времени тамо и преставися; а прочихъ Новгородцовъ, опалныхъ людей, повелѣ казнити на Москвѣ, и тако тіи горкою смертію скончашася; а иныхъ немногихъ оставшихъ Новгородцовъ, опалныхъ людей, по многомъ испытаніи повелѣ по инымъ градамъ разсылати на жителство“.

(Новгородскія Лѣтописи. 337-345. Изд. 1879 г.).

Съ переселеніемъ внуковъ Ивана Кузьмича родъ Савеловыхъ раздѣлился на двѣ главныя вѣтви-Можай-

скую и Ростовскую, за этимъ раздѣленіемъ послѣдуемъ и мы.

О помѣстьяхъ, полученныхъ въ Можайскѣ Иваномъ Гневашевичемъ, мы пока ничего не знаемъ, первыя свѣдѣнія этого рода мы имѣемъ только отъ 1610 г. и относятся онѣ уже къ внукамъ Ивана Гневашевича. Никакихъ свѣдѣній о жизни вообще, какъ самого Ивана Гневашевича, такъ и его сыновей Исака и Софрона мы также не имѣемъ.

Исакъ Ивановичъ потомства повидимому не оставилъ, по крайней мѣрѣ его мы не находимъ ни въ дѣлахъ Помѣстнаго приказа, ни въ Разрядномъ приказѣ, родословная же роспись говоритъ прямо, что онъ былъ бездѣтенъ, т-е. бездѣтенъ въ смыслѣ мужского потомства, у Софрона было три сына Федоръ, Василій и Иванъ всѣ они владѣли помѣстьями въ Можайскомъ уѣздѣ и служили въ царской охотѣ сокольниками, первый изъ нихъ Федоръ*) носилъ прозваніе „Арапъ", его имя мы встрѣчаемъ впервые подъ 1610 г., когда ему дана была отъ имени Жигимонта III жалованная грамота на 3 деревни въ Утицкомъ стану Можайскаго уѣзда (Акты Зап. Р. IV, 379), въ 1618 и 1620 г.г. онъ ѣздилъ при посольствѣ въ Персію. Иванъ Софроновичъ носилъ прозваніе „Осенній", что иногда превращалось въ **Аксентій**, о немъ мы ничего не знаемъ, сохранилось только извѣстіе, что онъ умеръ въ 1616 г. и погребенъ въ Колоцкомъ монастырѣ, около котораго лежали его помѣстья.

У Ѳедора Софроновича было два сына, старшій Петръ, котораго мы знаемъ только изъ росписи, былъ убитъ поляками и Григорій, владѣвшій помѣстьями кромѣ Можайскаго у. еще и въ Бѣлозерскомъ.

---

*) Часть помѣстій Ф. С. въ Ворскомъ стану Можайскаго у. перешла къ нему отъ Микулиныхъ, сынъ его Григорій владѣлъ половиною сельца Карпова, а другая половина была въ помѣстьѣ **за братомъ его Семеномъ Микулинымъ** (А. М. Ю. По Можайску. Списокъ съ писц. кн. № 10815, ст. 210), не былъ ли Федоръ Софроновичъ женатъ на Микулиной.

Гибель Петра Өедоровича надо относить повидимому къ 1618 г., когда Польша увидавши, что терпитъ неудачи въ своихъ замыслахъ рѣшилась опять двинуть свои войска въ Московскіе предѣлы, поставивши во главѣ ихъ королевича Владислава въ надеждѣ, что появленіе его вновь возбудитъ рознь и смуту. Походъ Владислава въ началѣ былъ удаченъ, ему присягнули Дорогобужъ и Вязьма, затѣмъ сдались Мещовскъ и Козельскъ, но этимъ успѣхи Владислава и окончились, Поляки были отбиты и отъ Калуги кн. Д. М. Пожарскимъ и подъ Можайскомъ, гдѣ соединились воеводы кн. Б. М. Лыковъ, Гр. Валуевъ, кн. Д. М. Черкасскій и кн. В. А. Черкасскій. Здѣсь произошло крупное сраженіе и весьма возможно, что въ числѣ убитыхъ были тѣ изъ Савеловыхъ, о которыхъ родословная роспись говоритъ „убиты поляками", т.-е. Петръ Өедоровичъ, Өедоръ Васильевичъ, Анкидинъ Ивановичъ и Тихонъ Ивановичъ, о послѣднемъ впрочемъ есть прямое указаніе, что онъ убитъ подъ Можайскомъ литовскими людьми въ приходъ королевича, хотя въ росписи о немъ сказано такъ же, какъ и о другихъ-„убитъ польскими людьми", почему мы и считаемъ возможнымъ, что всѣ четверо погибли въ это же время.

Бросивъ Можайскъ Владиславъ двинулся къ Москвѣ, но приступы его всѣ были отбиты, также неудачны были попытки поляковъ овладѣть Троицкимъ монастыремъ и Владиславъ вступилъ въ переговоры о мирѣ. 23 ноября уполномоченные съ обѣихъ сторонъ съѣхались въ Деулинѣ близъ Троицы, гдѣ 1 декабря и было заключено перемиріе.

Въ 1620 г. Григорій Өедоровичъ, будучи сокольникомъ, ѣздилъ въ Крымъ въ посольствѣ Воейкова. Онъ достигъ сравнительно уже большого земельнаго оклада (500 ч.). Въ 1643 г. Григорій Ө. „съ болѣзни постригся" и въ томъ же году умеръ оставивъ бездѣтную вдову Анисью.

У Василія Софроновича было два сына старшій Федоръ владѣлъ помѣстьями въ Верейскомъ и Бѣлозерскомъ у. и былъ убитъ поляками еще молодымъ человѣкомъ, оставивъ вдову Федосью и малолѣтняго сына Ивана, который въ 1626 г. владѣлъ помѣстьями отца, а въ 1642—44 г.г., будучи сокольникомъ ѣздилъ въ Персію въ посольствѣ Волынскаго и умеръ на обратномъ пути въ Астрахани.

Вдова Ивана Федоровича-Анастасія Ивановна, урожденная Ерохова, въ томъ же году вышла вторично замужъ за Можайскаго же помѣщика А. В. Усова. Дѣтей Ив. Федоровичъ не оставилъ.

Второй сынъ Василія Софроновича-Гавріилъ по примѣру своихъ родственниковъ служилъ въ сокольникахъ и умирая въ 1655 г. оставилъ вдову Софію Ивановну и 3 дочерей, изъ нихъ старшая, неизвѣстная намъ по имени, еще при жизни отца была замужемъ за Сергѣемъ Васильевичемъ Ерофѣевымъ (А. М. Ю. Вязьма и Можайскъ. Д. Мол. л., кн. 7 (10923), д. № 4), вторая Соломоница въ 1658 году вышла замужъ за иноземца Ивана Степановича Резванова, а младшая Аграфена въ 1661 г. за Алексѣя Спиридоновича Дурова (Пом. Пр. и Мож. Ст. окл. 28, д. 7).

У Ивана Осенняго Софроновича мы знаемъ трехъ сыновей: Анкидина, Петра и Тихона, старшій былъ сокольникомъ, въ 1618 г. ѣздилъ въ Персію, а затѣмъ согласно росписи убитъ поляками, также убитъ въ 1618 г. подъ Можайскомъ и Тихонъ Ивановичъ, какъ сказано въ росписи-„въ приходъ Королевича“, мы не знаемъ былъ ли Анкидинъ Ивановичъ женатъ, про Тихона же Ивановича говорится, что онъ былъ холостъ. Продолжателемъ Можайской линіи явился Петръ Ивановичъ, о которомъ мы знаемъ сравнительно много. Смерть отца въ 1616 г. застаетъ уже П. И. кречетникомъ съ окладомъ въ 250 ч., въ томъ же году онъ

ѣдетъ въ посольствѣ въ Персію, не успѣваетъ онъ вернуться какъ въ 1618 г. вновь посланъ туда же, за эту поѣздку онъ получаетъ придачи 50 четей и 2 рубля деньгами (къ окладу въ 10 р.), въ 1623 и 1624 г.г., въ 1628 и 1629 г.г. совершилъ поѣздки въ Крымъ, объ одной изъ нихъ сохранилось довольно много метеріаловъ, а т. к. цѣлый рядъ Савеловыхъ участвовалъ въ это время въ подобныхъ посольствахъ, то думаемъ, что будетъ небезинтересно познакомиться съ подробностями этихъ поѣздокъ, какъ онѣ рисуются въ документахъ (Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Крымскія дѣла 1628 г. Генв.-Дек. № 1).

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ сборовъ въ путь посольства. Эти подробности всегда были однѣ и тѣ же и всегда сопровождались всевозможной волокитой, и конечно, мѣстническими спорами. Посольство Тарбѣева, въ которомъ принялъ участіе и Петръ Ивановичъ, выѣхало изъ Москвы не сразу; въ концѣ августа или въ самомъ началѣ сентября 1626 года выѣхалъ самъ Тарбѣевъ и при немъ первая посылка, состоявшая изъ 10 человѣкъ кречетниковъ, сокольниковъ и ястребниковъ во главѣ съ Андреемъ Дмитріевымъ, а спустя нѣкоторое время тронулась въ путь и вторая посылка во главѣ съ Петромъ Ивановичемъ Савеловымъ. Сборнымъ пунктомъ былъ городъ Валуйки*), гдѣ производился всегда „розмѣнъ“ пословъ; здѣсь начинались степи, и Московское посольство поступало уже подъ охрану татаръ. Изъ Валуекъ посольство выступило позднею осенью или въ началѣ зимы, такъ какъ Петръ Ивановичъ въ своемъ челобитьи говоритъ, что началась стужа и пошли снѣга. Какъ только наши путешественники перешли Донецъ, у нихъ вышло недоразумѣніе съ татарскимъ конвоемъ, во главѣ котораго стоялъ князь Алей Сулешевъ съ 11 мурзами, которые пожелали получить подарки, кромѣ положенныхъ по

*) Нынѣ уѣздный городъ Воронежской губерніи.

условію, обѣщая идти „дорогою тихо“ для того чтобы посольству было „покойно и не надсадно“; но Тарбѣевъ, зная манеру татаръ, отказалъ имъ, сказавъ, что на то нѣтъ Государева указа, и что въ Валуйкахъ они уже получили по положенію „розмѣнное платье“. Результаты этого отказа были для посольства весьма печальны, такъ какъ мурзы „осердясь шли до Крымскихъ улусовъ день и ночь“, почему, по словамъ Тарбѣева и его товарища подьячаго Ивана Басова, „подъ арбачѣи и подъ людишками нашими погоняли лошади и арбачѣевъ и людишекъ нашихъ били и водили насъ по горамъ и по ржавцамъ, и лошади въ телѣгахъ многія стали и дорогою розметали, и подъ государеву казну и подъ свои телѣженки лошади у татаръ нанимали дорогою цѣною“. Но крмѣ этой гоньбы московскому посольству приходилось нерѣдко переживать еще болѣе тяжелыя минуты, опасаясь не только за цѣлость царской казны и подарковъ, но и за собственную жизнь, такъ какъ князь Сулешевъ шелъ „дуростью великою и во всемъ зло дѣлалъ и всполохъ чинилъ частой, а всполошавъ бѣгалъ съ остальными мурзами въ сторону“. Несмотря на великую дурость князя Сулешева и частые всполохи, посольство достигло первыхъ татарскихъ улусовъ, сохранивши въ цѣлости царскую казну и посылаемые поминки, понеся лишь довольно значительный уронъ въ конскомъ составѣ (судя по словамъ Петра Ивановича, посольство потеряло во время этого перегона 31 лошадь).

Добравшись до первыхъ улусовъ, посольство приступило къ исполненію своихъ дипломатическихъ порученій и начало разспрашивать у татаръ и у полонянниковъ о крымскихъ дѣлахъ: „гдѣ Магметъ Гирей царь и калга Шан-Гирей царевичъ, въ Крымѣ, или въ войнѣ въ Турской или въ Литовской землѣ, или съ Турскимъ царь и калга помирились, и гдѣ нынѣ прежней Джанбѣкъ Гирей царь и калга Девлетъ Гирей царевичъ, и

нѣтъ ли съ ними гдѣ въ сборѣ воинскихъ людей, и будетъ есть, и какие люди и много ль ихъ, и что ихъ умышленье, и крѣпокъ ли на Крымѣ Магметъ Гирей царь и калга Шанъ-Гирей царевичъ и осенью и сеѣ зимы въ Польской и въ Литовской землѣ война отъ Крымскихъ людей была ль" и т. д. Отвѣты получались самые подробные, и между прочимъ наши посланники узнали, что „царь де калга Крыма не прочетъ, богатыхъ людей и жидовъ грабятъ", и что „на лѣто де ждутъ въ Крымъ прежнего Джанбѣкъ Гирѣя царя з братомъ", и хотя турской султанъ и писалъ къ крымскому царю и къ калгѣ, чтобъ они шли воевать Литовскую землю, но что „крымской царь хочетъ посылать въ Литву воевать сеѣ зимы лутчихъ своихъ мурзъ Гулика князя Дивѣева съ товарищи, а самимъ имъ въ войну не бывать, боятца турскова, чтобъ безъ нихъ на Крымъ не прислалъ Джанбѣкъ Гирѣя царя; а Джанбѣкъ-Гирея царя и калгу Девлетъ Гирея царевича турской царь на лѣто хочетъ отпустить на Крымъ". Эти свѣдѣнія оказались вѣрными. Дѣйствительно на слѣдующее лѣто Крымскій юртъ былъ вновь во владѣніи Джанбекъ Гирѣя, изъ чего можно заключить, что дипломатическую миссію московское посольство исполнило не дурно, такъ какъ, повидимому, свѣдѣнія, сообщенныя имъ въ Москву, были вѣрны. Тольло 19 октября 1627 г., т. е. болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ выхода изъ Москвы, Тарбѣевъ достигъ Перекопа, гдѣ пробылъ сутки и двинулся дальше; 27 октября посольство было встрѣчено Сеѳеръ-Газы-агой, который привелъ отъ хана лошадей, а 30 октября оно наконецъ вступило въ Яшлавъ, конечный пунктъ путешествія нашихъ посланниковъ.

Не успѣли наши посланники пріѣхать, какъ ихъ со всѣхъ сторонъ окружили приближенные и родственники хана съ требованіями подарковъ. У Тарбѣева съ утра до ночи а иногда и ночью толкутся посланные отъ всевозможныхъ царевичей, царицъ, князей, мамокъ и т. п.,

и всѣ они торгуются и требуютъ большаго, чѣмъ имъ положено по росписи, при чемъ грозятъ, лаютъ и безчестятъ посольство. Посылаетъ Тарбѣевъ поминки какому-нибудь ханскому казначею или конюшему, а тотъ ихъ не принимаетъ и возвращаетъ назадъ, требуя вдвое и себѣ и своимъ слугамъ; наши посланники клянутся, что у нихъ больше нѣтъ, но имъ не уступаютъ, и они, чтобъ государеву дѣлу порухи какой не учинить, накидываютъ еще нѣсколько собольихъ или куньихъ шубъ, увѣряя, что это прибавлено изъ ихъ собственной рухляди. Но и это не помогаетъ—крымскіе сановники твердо удерживаютъ свои позиціи, и московскому посольству приходится уступить и исполнить требованія жадныхъ хозяевъ Крыма. 6-го ноября была назначена аудіенція у Магометъ Гирея, при чемъ наше посольство было особенно озабочено, чтобы при пріемѣ не было никого изъ чужеземныхъ пословъ или гонцовъ, и настояло на томъ, чтобы при разговорѣ съ царемъ не надо было стоять на колѣняхъ.

Послѣ обмѣна первыми привѣтствіями и принявши царскіе подарки, Магометъ Гирей сталъ выговаривать посламъ: „Государь въ грамотахъ своихъ и послы ево рѣчью мнѣ хорошо говорятъ, только де не то дѣлается съ ево государевы стороны, Астраханские люди и Донские казаки въ Крымскихъ юртехъ людей емлютъ и побиваютъ и лошади и животину отгоняютъ, а государь де ихъ не уймаетъ, такая де государя вашего ко мнѣ правда, только де меня грамоты своими и послы ево рѣчью утешаютъ“. На это обвиненіе Тарбѣевъ и Басовъ отговаривались тѣмъ, что на Дону „живутъ воры, боярские холопи, збѣжавшіе отъ своихъ бояръ“, „тати и разбойники, убѣжавшіе отъ смертные казни“, и что кромѣ русскихъ воровъ тамъ и „татаровя и литва и черкасы“, и что государь за тѣхъ воровъ не стоитъ, да и смирить то тѣхъ воровъ невѣдомо какъ, потому живутъ кочевнымъ обычьемъ не въ одномъ мѣстѣ, и

тутъ же предъявили хану и свои обвиненія и просили Магометъ Гирея, чтобы онъ „такожъ государскую братцкую дружбу и любовь совершалъ, по томужъ заказъ учинилъ крѣпкой, чтобъ Крымскіе и Азовские и Казыева улусу и Дивѣева родства мурзы и улусные люди на государевы Украины войною не ходили и людей въ полонъ не имали, а твои царевы люди на государя нашего землю приходятъ безпрестани, Государевымъ Украинамъ тѣсноту чинятъ ежелѣтъ отъ весны и до зимы, людей побиваютъ и въ полонъ емлютъ....“. Но у хана была также отговорка, какъ и у московскихъ посланниковъ: „то молъ во всемъ виноваты Азовцы и Козыевскіе воры, а я про то не вѣдаю, они безъ моего вѣдома своровали, а крымскіе де люди въ Русь войною не ходятъ. Язъ-де Казыевъ улусъ уйму, а государь бы вашъ унять велѣлъ Астраханскихъ людей и Донскихъ казаковъ з Дону велѣлъ свесть“.

Въ такихъ взаимныхъ укорахъ проходила бѣсѣда нашихъ посланниковъ съ ханомъ, который впрочемъ обѣщалъ имъ скорый отпускъ.

На другой день началась опять прежняя волокита, прежнія недоразумѣнія изъ-за подарковъ.

Первое крупное недоразумѣніе возникло изъ-за ханскаго сына царевича Ахметъ Гирея, находившагося въ это время якобы въ Царьградѣ, имени котораго не было въ росписи подарковъ, привезенныхъ московскими послами. Съ вопросомъ о подаркахъ для Ахметъ Гирея провозились нѣсколько дней. Одна сторона грозила въ случаѣ упорства взять силой и вдвое больше, чѣмъ требовалось вначалѣ, другая отговаривалась неимѣніемъ этихъ подарковъ и находила, что „Магометъ Гирей царь къ великому государю нашему не любовью оказуетца, а развратьемъ“; но разговоры и брань не помогали, приходилось раскошеливаться и давать безъ конца всѣмъ, кто бы ни явился за поминками, такъ какъ поддержкою имъ былъ всегда самъ ханъ, съ которымъ прихо-

дилось считаться и уступать всѣмъ назойливымъ требованіямъ, „не хотя Магметъ Гирея царя розгнѣвать и чтобъ въ Государевѣ дѣлѣ порухи какой не учинити“.

Такъ проходили мѣсяцъ за мѣсяцемъ, и картина жизни нашего посольства была все та-же: татары требовали себѣ поминковъ, посланники отказывали, но затѣмъ, видя, что все равно придется уступить, посылали подарки съ толмачемъ; татары ихъ возвращали, съ оскорбленіями бросали въ лицо нашихъ посланниковъ, требовали большаго и въ результатѣ всегда получали желаемое.

Нѣсколько не въ обычномъ порядкѣ шли переговоры съ царевичемъ Нурадынъ Азаматъ Гиреемъ, который въ памяти, написанной къ московскимъ посланникамъ относительно необходимыхъ ему подарковъ, назвалъ царя Михаила Өеодоровича королемъ, что дало поводъ Тарбѣеву обидѣтся и надежду хотя бы Азаматъ Гирею не дать того, что тотъ требовалъ, почему онъ и объявилъ посланнымъ царевича, что „Азаматъ Гирей царевичъ къ великому государю нелюбовью оказывается, не дружбою, пишетъ въ памяти своей виликаго государя нашего царя и великаго князя Михаила Өедоровича всеа Русіи самодержца королемъ и великій государь царь и великій князь Михайло Өедоровичъ всеа Русіи королевства не отъ такова царевича не захочетъ слышать, служатъ ему великому государю многихъ государствъ цари и царевичи и королевичи, а Азаматъ Гирей царевичъ такъ пишетъ великому государю либо простотою своею, или будетъ съ государемъ въ дружбѣ быть не хочетъ“. Но обмолвка царевича не принесла никакой пользы, такъ какъ послѣ ежедневныхъ переговоровъ и взаимныхъ угрозъ въ теченіе 16 дней вмѣшался въ дѣло ханъ, и нашимъ посланникамъ пришлось къ назначеннымъ по росписи подаркамъ прибавить „2 шубы куньихъ, двѣ шубы бѣльихъ хребтовыхъ, 8 шубъ черевьихъ, четверы цки хребтовыхъ, четверы цки че-

ревьихъ, четыре пары соболей"; хотя для своего утѣшенія они и заявили, что даютъ изъ своихъ животишковъ, но это, конечно, нисколько не тронуло царевича.

Прошло 6 мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ появилось въ Крыму московское посольство, но никакихъ другихъ разговоровъ, кромѣ какъ о подаркахъ, не было. Но за это время событія въ Крыму сложились такъ, что Тарбѣеву съ товарищи пришлось, пожалуй, съ сожалѣніемъ вспоминать о прошедшихъ дняхъ, когда ихъ всячески лаяли и поносили. Дѣло въ томъ, что свѣдѣнія, полученныя еще осенью о возможности появленія въ Крыму бывшаго хана Джанбекъ Гирея, оказались вѣрными, и нашему посольству пришлось неожиданно спасаться бѣгствомъ въ жидовскій городокъ.

Вотъ какъ описываютъ Тарбѣевъ и Басовъ свои дальнѣйшія похожденія въ донесеніи государю:

„И апрѣля, государь, въ 30 день на свѣту царь прислалъ къ намъ и велѣлъ бѣжать на спѣхъ въ жидовскій городокъ, что Канъ-Темиръ пришелъ со всѣми людми на Олму отъ Яшлова двѣ версты. И мы холопи твои пометавъ многую рухледишко свое и запасишко побѣжали на спѣхъ, а что твое государевы рухледи ухоронено было отъ грабежу, пороспродали кречатникамъ и арбачѣмъ весть; и какъ, государь, будемъ противъ Бакчисарай, и Алгазы ага выслалъ къ намъ людей своихъ и велѣлъ намъ ѣхать совсѣмъ къ себѣ на дворъ да и казаки бъ де были у васъ съ ружьемъ. И мы холопи твои отказали и побѣжали въ жидовской городокъ, и Алгазы ага насъ холопей твоихъ въ жидовской городокъ пущать не велѣлъ и ворота велѣлъ отъ насъ запереть. И мы стояли у жидовскаго городка половина дня, а Канъ-Темиръ за нами пришелъ тотчасъ, царя и калгу со всѣми людми осадилъ, а самъ сталъ въ селѣ Выскиюртѣ*) и насъ въ жидовской городокъ едва пустилъ, и Канъ-Темиревы люди всегда приходя къ жи-

*) Т. е. въ Эски-юртѣ.

довскому городку хотѣли клячи у насъ поимать, холопи твои изъ жидовского городка съ ними бились безпрестани а стоялъ Нурадынъ с Канъ-Темиремъ подъ Бакчисараемъ 3 недѣли и въ осадѣ государь мы помирали голодною смертью; а царь и калга запасу намъ не дали; и пришли государь къ царю и къ калгѣ на помочь тысячь съ шесть запорожскихъ черкасъ, и Нурадынъ и Кантемиръ покинувъ свои станы со всѣми людми ходили противъ черкасъ и съ черкасы отъ Бакчисарай версты съ четыре, на Алмѣ бой былъ весь день и убили у черкасъ гетмана Дороженка, а съ нимъ человѣкъ сто черкасъ убили, а черкасы нагайскихъ людей человѣкъ съ двести убили, а шли черкасы снарядомъ обозомъ и черкасы пришедъ стали въ Кантемиревыхъ станехъ, а Контемиръ пошолъ подъ Рафу (sic), а нурадынъ побѣжалъ къ Бѣлугороду, а царь и калга черкасамъ давали жалованье многое денги и платья и лошади и у насъ холопей твоихъ и у толмачей и у кречетниковъ и у арбачѣевъ, калга прiѣхавъ къ намъ въ жидовской городокъ самъ лошади поималъ всѣ и роздалъ черкасамъ; и царь и калга съ черкасы и съ крымскими татары пришедъ подъ Кафу Кантемиря побили и Кантемирь да князь Петръ Урусовъ ушли въ Кафу не со многими людми, и Магметъ Гирей царь Кафу осадилъ и билъ по Кафѣ изъ норяду и приступомъ ходили. Июня, государь, въ 21 день подъ Кафу моремъ пришли отъ Турского Джанъ бекъ Гирей царь да калга Девлетъ Гирей царевичъ,, а съ ними 60 катòргъ да 20 кораблей и съ калгою съ Шанъ Гиреемъ царевичемъ Джанъ Бѣкъ Гирей царь и калга Девлетъ Гирей царевичъ подъ Кафою бились, только Магметъ Гирей царь и калга Шанъ Гирей царевичъ имъ сильны были черкасы, и мы холопи твои послали под Кафу Аигильдю Бинюкова, а съ нимъ послали къ тебѣ государю отписку, что въ Крымѣ дѣелось твое государево дѣло и что межъ ихъ въ Крымѣ дѣлаетца, а велѣли промышлять, будетъ есть подъ Ка-

фою Донские казаки, и тое бъ отписку отдать Донскимъ казакамъ и велѣли Донскимъ казакамъ говорить, чтобъ они тебѣ государю послужили, отписку къ тебѣ государю повезли не мѣшкая. И Аигилдя, государь, пріѣхавъ къ намъ, сказывалъ, что онъ воротился изъ Карасова, что изъ подъ Кафы крымскіе татаровя бѣгутъ въ лѣса а сказывали ему тѣ бѣглые татаровя, что крымскіе ближніе люди и всѣ крымскіе татаровя Магметъ Гирея царя и калгу покинули, и ближніе люди всѣ отъѣхали къ Джанъ-Бекъ Гирею царю, а Магометъ Гирей царь побѣжалъ въ лѣсъ самъ третей, а калга съ черкасы поимавъ нарядъ пошолъ аъ запороги и Джанъ-Бекъ Гирей царь послалъ за нимъ калгу Девлетъ Гирея царевича и Кантемиря со всѣми нагайскими и крымскими людми и послѣ того намъ татаровя сказывали, что Шанъ Гирея царевича съ черкасы калга и Контемиръ дошли на степи и съ ними бились, шли за ними и ничего имъ не учинили, а Джанъ-Бекъ Гирей царь пришелъ въ Бакчисарай іюня въ 29 день.

А какъ, государь, отъ Бакчисарай Нурадынъ и Кантемиръ побѣжали и покуда Джанъ-Бекъ Гирей царь въ Бакчисарай пришелъ, у крымскихъ татаръ межъ себя сѣча и грабежъ былъ безпрестани; а мы въ то время въ жидовскомъ городкѣ въ осадѣ сидѣли и помирали голодною смертью, хлѣба печеного и никакого жита и мяса купить не добыли, траву и коренья копая ѣли; а гдѣ, государь, добудемъ другомъ изъ подарковъ купить, и мы, государь, купили четверикъ пшеницы въ 15 золотыхъ, а барана въ 10 золотыхъ, а яловицу въ 20 золотыхъ и больши, а воду, государь, покупали ведро въ два алтына. А лѣтось, государь, въ Крымѣ была засуха, хлѣбъ и сѣна не родился, а намъ Джанъ Бекъ Гирей царь велѣлъ изъ жидовскаго городка ѣхать на Яшловской станъ іюля въ 3 день, и сидѣли, государь, въ жидовскомъ городкѣ въ осадѣ 9 недѣль, и что, государь, схоронено въ землю твой государевъ наказ

и росписи и деньги, что за расходомъ осталось и наши денжишка и рухлядишко и твой государевъ наказъ и росписи выкопано изодрано въ лоскутки и розметано по станомъ, а деньги, государь, и наши денжишка и рухлядишка все вынято жь и избенка, государь, наши, которые подѣланы были въ землѣ роскопаны и позжены; а какъ, государь, Джанъ Бѣкъ Гирей царь пришолъ въ Крымъ въ Бакчисарай и мы къ нему царю посылали толмачей ежедень, велѣли ближнемъ ево людемъ говорить, чтобъ твои государевы люди напрасно голодомъ въ Крымѣ не помирали; и царю, государь, въ тѣ поры было недосугъ, недѣли съ двѣ отпущалъ турскихъ людей, збиралъ полонъ у мурзъ и у татаръ и у жидовъ, давалъ турскимъ людемъ.

А какъ, государь, турскихъ людей царь отпустилъ, и къ нему царю съѣхалось царевичи и Кантемиръ, князь и всѣ князи и мурзы и Кантемиря царь къ себѣ не пущалъ день съ 5, а велѣлъ ему царь шертовать, чтобъ онъ ему царю служилъ и велѣлъ де ему царь говорить, что ты сказываешься въ Крымѣ другой царь и хотѣлъ ты Магметъ Гирея царя и калгу Шанъ Гирея царевича убить, а турской де царь тебя о томъ на Крымъ не посылалъ, что ихъ побить. И Кантемиръ Джанъ Бекъ Гирею царю шертвовалъ и саблю де на себя передъ царемъ клалъ.

И Джанъ Бекъ Гирей царь ево пожаловалъ и отъ себя отпустилъ. И мы къ царю посылали толмачей, чтобъ царь велѣлъ намъ быть у себя, говорить о вашихъ государскихъ вопчихъ дѣлахъ, и царю было недосугъ, выбиралъ ближныхъ людей кому у него царя быть въ которомъ чину и на чье мѣсто; и учинилъ царь въ Алгазы агино мѣсто Усманъ агу, а и Алгазы ага у калги на Тат-Кирѣева княжое мѣсто, а Усманъ ага пришелъ съ нимъ царемъ изъ Царя города“.

Послѣ такихъ приключенiй нашему посольству приходилось вновь начинать переговоры съ новымъ ханомъ,

при чемъ перемѣна правителя влекла за собой новые расходы, такъ какъ около новаго хана и все новые сановники, которые требовали и себѣ поминковъ, не обращая вниманія на то, что все, что было привезено Тарбѣевымъ, было роздано ихъ предшественникамъ и что само посольство было, надо думать, въ очень незавидномъ состояніи, будучи ограблено и отсидѣвши 9 недѣль въ осадѣ.

По пріѣздѣ въ Яшлавъ, посланники начали добиваться свиданія съ Джанбекъ Гиреемъ, но онъ отговаривался все недосугомъ, и только лишь 19 іюля объявилъ Тарбѣеву, что если онъ желаетъ его видѣть, то долженъ поднести ему десять сороковъ соболей, двѣ шубы собольи, двѣ шубы куньихъ, двѣ пары куницъ, 2 пары соболей добрыхъ. На этотъ разъ Тарбѣеву приходилось искренно доказывать, что у него всего этого нѣтъ, такъ какъ онъ былъ ограбленъ Магметъ Гиреемъ, что, конечно, сознавалъ и самъ Джанбекъ Гирей и его приближенные, почему поминки были уменьшены, согласно заявленію Тарбѣева, и ему было разрѣшено поднести то, что онъ въ состояніи былъ купить на мѣстѣ, а подарки для Усманъ аги пришлось посулить въ будущемъ; иначе въ противномъ случаѣ ему грозили, что ханъ его не приметъ и не разрѣшитъ послать въ Москву гонцовъ.

Нужно замѣтить, что если самому Тарбѣеву приходилось плохо, и онъ „живучи въ Крымѣ сдолжалъ и проѣлся и изъ Крыма поднятца было не чѣмъ“, то положеніе его 20 дворянъ было несравненно тяжелѣе; всѣ они принадлежали къ небогатымъ подмосковнымъ помѣщикамъ и получали помѣстные оклады въ 300—400 четей, а денежные отъ 7 до 18 рублей (18 руб. получалъ только одинъ), съ которыхъ и должны были нести тяжелую службу конно, людно и оружно. Правда, отправляясь въ Крымъ, они получили подмоги по годовому жалованью да на запасъ по 2 рубля, но, принимая

во вниманіе ихъ потери одними лошадьми (напримѣръ у Петра Ивановича погибло и отобрано было татарами 6 лошадей), не говоря уже о разной „рухледишки", нужно признать, что положеніе ихъ дѣйствительно было почти безвыходнымъ, тѣмъ болѣе, что имъ неизвѣстно было, пожелаетъ ли правительство вознаградить ихъ за понесенные на царской службѣ убытки и не потребуетъ ли оно уплаты по тѣмъ кабальнымъ письмамъ, которыми они въ обиліи снабдили Тарбѣева, что подробно излагаетъ въ своемъ челобитьи П. И.: „и какъ, государь, мы, холопи твои, побѣжали изъ Яшлова въ жидовскій городокъ и боямя грабежу отъ нагайскихъ людей, которые, государь, у насъ было рухледишко хоронили въ землю, и тое, государь, у насъ рухледишко татаровя узнали, выкопали, и нынеча, государь, мы холопи твои въ Крымѣ умираемъ голодною смертію и ограблены; изъ Крыму, государь, намъ поднятца не на чемъ, а въ Крыму, государь, мы заняли изъ твоей государевой казны у твоего государева посланника у Степана Ивановича Тарбѣева да у подъячево у Ивана Басова на человѣка по тринадцати рублевъ съ полтиною денегъ, да мы жъ холопи твои заняли въ Крыму у царева гонца у Османа на человѣка по три рубля"*).

20-го іюля, наконецъ, состоялся пріемъ посланниковъ, которые здоровали Джанъ Бекъ Гирея царя на государствѣ его, на Крымскомъ юртѣ; ханъ, получивши предварительно подарки, обошелся съ тарбѣевымъ и его товарищами ласково и сказалъ имъ, что „слышалъ де онъ отъ ближнихъ людей отъ Олгозы аги да отъ татаръ Алибека, что отъ Магметъ Гирея царя и отъ калги Шанъ Гирея царевича посольству была тѣснота и грабежъ и насильство"; но это, говорилъ онъ, они дѣлали „не гораздо, не по царски, не проча себя въ Крымѣ" и обѣщалъ, что при немъ они будутъ жить въ

*) Московскій Архивъ Министерства Иносттранныхъ Дѣлъ. Дѣла Крымскія 1628 г. Связка 12, дѣло № 14.

покоѣ, потому что они, государевы посланники, въ Крыму гости, а гостей надобно жаловать и беречь, а такъ дѣлать, какъ дѣлалъ Магметъ Гирей, онъ не хочетъ.

Наши посланники не упустили случая сорвать свою злобу на бѣжавшемъ Магметъ Гиреѣ и объявили, что если бы онъ оставался на Крымскомъ царствѣ, то великій государь за его неправду и грабежъ „ссылку бы съ нимъ урвалъ и посланниковъ своихъ съ поминки для нихъ граяежу и насильства въ Крымъ не посылалъ бы“.

Нужно отдать справедливость Джанбекъ Гирею, что такого грабежа и насильства надъ московскимъ посольствомъ, какъ при Магметъ Гиреѣ, теперь мы не встрѣчаемъ, и въ отпискахъ посланниковъ хотя и говорится о различныхъ требованіяхъ поминковъ, но несравненно больше мѣста отводится переговорамъ относительно взаимныхъ сношеній Москвы съ Крымомъ.

Всего посольство Тарбѣева пробыло въ отсутствіи 2 года и вернулось, повидимому около октября 1628 г., такъ какъ къ этому времени относятся челобитныя Тарбѣева и Петра Ивановича съ товарищи, въ которыхъ они просятъ „Милосерднаго Государя пожаловать ихъ для ихъ службишки и великаго крымскаго многаго терпѣнья, за ихъ убытки чѣмъ Богъ извѣститъ, имъ впредь отъ царской службы не отставать и въ великихъ долгахъ стоячи на правежѣ замученнымъ не быти“.

Убытки были исчислины отъ 80 до 100 р. на человѣка и возвращены имъ „въ полы“ ихъ челобитья, и кромѣ того за службу всѣмъ даны помѣстныя и денеж- придачи, конечно, все это въ скромномъ размѣрѣ*).

Такъ окончилась богатая приключеніями посылка Тарбѣева, но не всѣмъ пришлось долго отдыхать отъ нея. Въ слѣдующемъ же году (1629 г.) одному изъ дворянъ Тарбѣева-П. И. пришлось опять ѣхать въ Крымъ, и опять, какъ и въ 1626 г., встрѣтился онъ со старымъ

*) Тарбѣеву дано придачи 40 р., Савелову 20 четей и 3 р. деньгами.

знакомцемъ-княземъ Сулешевымъ, который не излѣчился за эти 3 года отъ своей дурости и, какъ только посольство перешло Донецъ, бѣжалъ день и ночь, такъ что пришлось растерять лошадей и „метать рухледь". Но посольству 1629 г. уже не пришлось терпѣть осаду и голодъ, и вернулось оно сравнительно благополучно и и безъ особыхъ приключеній.

Такова была нелегкая служба въ тѣ времена, а оплачивалась, какъ мы знаемъ, довольно скудно-это было крѣпостное время для русскаго дворянства и съ нимъ не церемонились, оно служило съ дѣтства до полной потери силъ. Его награждали помѣстными окладами, но свободныя земли предоставляли служилымъ людямъ розыскивать самимъ и въ большинствѣ случаевъ дѣйствительныя владѣнія далеко не соотвѣтствовали владѣніямъ на бумагѣ.

Въ 1631 году Петру Ивановичу была, между прочимъ, пожалована пустошь Отякова, превратившаяся при немъ же въ населенную деревню (М. А. М. Ю. По Можайску, ст. 206, д. 14), гдѣ въ 1706 г. внукъ П. И.-Гавріилъ Павловичъ построилъ церковь, сгорѣвшую затѣмъ въ 1812 г.*).

Умеръ П. И. около 1656 г. и погребенъ въ Можайскѣ на посадѣ около Пресвятыя Троицы (Холмогор. X, 12), женатъ онъ былъ на Евфиміи Рѣдкиной, принявшей иночество съ именемъ Евпраксіи, ея имени мы нигдѣ не встрѣчаемъ, оно указано въ житіи Патріарха Іоакима.

У Петра Ивановича было 4 сына и 2 дочери, изъ нихъ одна Евфимія была замужемъ за Осипомъ Папинымъ и упоминается въ описаніи иконы „Всѣхъ Скорбящихъ Радость", какъ получившая 24 октября 1688 г. первое исцѣленіе отъ этой иконы, вторая же дочь, неизвѣстная намъ по имени, была замужемъ за Владиміромъ Дубровскимъ.

*) Отяково принадлежитъ теперь Н. С. Ладыженской, ур. Дурново, мать которой Марія Михайловна, дочь Михаила Павловича Савелова, послѣдняго представителя Савеловыхъ въ Можайскомъ уѣздѣ, умершаго въ 1907 г.

Старшій сынъ П. И.-Иванъ большой род. 6 января 1620 г. въ Можайскѣ, затѣмъ первое о немъ извѣстіе мы имѣемъ лишь подъ 1644 г., когда онъ служитъ сытникомъ и получаетъ первое помѣстье на Бѣлоозерѣ и въ Можайскѣ. Естественно является вопросъ, гдѣ въ это время отсутствовалъ Иванъ Петровичъ, потому что появленіе на службѣ въ 24 года отъ роду безусловно ненормально. Въ залѣ Кіевской Духовной Академіи въ числѣ портретовъ бывшихъ воспитанниковъ мы находимъ и портретъ патріарха Московскаго Іоакима, въ мірѣ Ивана большого Петровича Савелова, на пребываніе его тамъ указываетъ и исторія академіи. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы категорически высказать мнѣніе, что Иванъ Петровичъ дѣйствительно былъ въ числѣ воспитанниковъ Кіево Могилянской академіи, но стеченіе нѣсколькихъ побочныхъ обстоятельствъ даютъ право допустить вѣрность этого извѣстія. Кромѣ отсутствія Ивана Петровича до 1644 г., его прекрасная грамотность, не обычная въ то время, а мы знаемъ, что его челобитья написаны прекраснымъ и красивымъ почеркомъ и отъ начала до конца написаны его рукою (М. А. М. Ю. По Можайску. Отк. Кн. I, № 138), затѣмъ выборъ Кіевскаго монастыря для постриженія-все это наталкиваетъ на мысль въ достовѣрности извѣстія о Кіевской Академіи.

Послѣ 1644 г. Иванъ Петровичъ служитъ сначала рейтаромъ, затѣмъ стряпчимъ Кормового Дворца, въ 1653 году онъ былъ написанъ по Московскому списку, а въ слѣдующемъ году принялъ участіе въ Смоленскомъ походѣ,

Зимой 1652—53 г. Москва стала дѣятельно готовиться къ войнѣ съ Польшей, въ іюнѣ 1653 г. былъ произведенъ смотръ всѣмъ стольникамъ, стряпчимъ, московскимъ дворянамъ и жильцамъ „со всею ихъ службою“, т.-е. въ полномъ вооруженіи и съ извѣстнымъ количествомъ вооруженныхъ людей. 14 февраля 1654 г.

царь Алексѣй Михайловичъ объявилъ походъ на польскаго короля за его „многія неправды и клятвопреступленія“.

„26 апрѣля 1654 г., въ майскій день, происходилъ торжественный отпускъ той рати, которая должна была частями идти на Брянскъ, тамъ собраться, устроиться и затѣмъ двинуться за польско литовскій рубежъ. Этою ратью начальствовалъ старый уважаемый воевода князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, а въ товарищахъ у него были князья Гр. Сем. Куракинъ и Юр. Алексѣевичъ Долгоруковъ. Въ Успѣнскомъ соборѣ литургію совершалъ патріархъ Никонъ, послѣ молебна бояре и воеводы приняли отъ него благословеніе и приложились къ образамъ и мощамъ. Патріархъ взялъ изъ царскихъ рукъ воеводскій наказъ, положилъ его въ кіотъ Владимірской Богородицы на пелену, и, сказавъ краткое наставительное слово, вручилъ наказъ князю Трубецкому. Государь позвалъ всѣхъ военачальниковъ къ своему столу. Тутъ онъ обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ соблюдать заповѣди Божіи, наблюдать правду, враговъ Божіихъ и царскихъ не щадить, а войско свое любить и беречъ, между собою быть въ любви и совѣтѣ и т. д. Послѣ стола царь жаловалъ изъ собственныхъ рукъ водкою и медомъ не только бояръ и воеводъ, но и простыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и увѣщевалъ крѣпко стоять противъ враговъ за ихъ гоненіе на православную вѣру и за обиды Московскому государству; причемъ возвѣстилъ, что и самъ онъ вскорѣ за ними отправится въ походъ и готовъ вмѣстѣ съ ними проливать свою кровь. Растроганные ратники клялись не щадить своихъ головъ. При отпускѣ бояре и воеводы подходили къ царской рукѣ. Первый подошелъ князь Трубецкой; государь взялъ его сѣдую голову и прижалъ къ своей груди; воевода заплакалъ отъ умиленія и нѣсколько разъ поклонился въ землю. Между прочимъ, благочестивый царь заповѣдалъ на первой недѣлѣ Петрова поста всѣмъ „обновиться“ покаяніемъ и св. причащеніемъ.

Спустя три дня, рать Трубецкого выступила изъ Москвы. Она проходила Кремлемъ и подъ самыми дворцовыми переходами, на которыхъ стоялъ царь и патріархъ. Послѣдній кропилъ ее святою водою. Бояре и воеводы сошли съ коней и поклонились до земли; причемъ государь спрашивалъ ихъ о здоровьѣ. Никонъ благословилъ ихъ и сказалъ напутственное слово. Ему отвѣчалъ князь Трубецкой, называя его „великимъ государемъ, пресвятѣйшимъ патріархомъ всея Великія и малыя Россіи“, обѣщая служить „безъ всякія хитрости“, и прося его „заступленія и помощи“.

Алексѣй Михайловичъ, достигшій 25-лѣтняго возраста, исполненный любви къ ратному дѣлу, далеко не былъ чуждъ завоевательныхъ стремленій. Въ противоположность своему отцу, онъ при первомъ удобномъ случаѣ сталъ во главѣ своихъ полковъ и лично повелъ ихъ противъ непріятеля; а именнно, онъ взялъ на себя высшее предводительство главной рати, которая направлялась на Смоленскъ и Бѣлоруссію. Согласно съ обычаями и преданіями Московской государственности и съ собственнымъ благочестіемъ, онъ поступалъ чинно, не спѣша и готовился къ походу съ молитвою и съ благословенія церковнаго. 28 апрѣля царь отправился помолиться въ Троицкій Сергіевъ монастырь, а потомъ, 3 мая, въ Саввинъ Звенигородскій. 10 мая онъ на Дѣвичьемъ полѣ смотрѣлъ по сотнямъ стольниковъ и стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ, городовыхъ и всякихъ ратныхъ людей, которымъ быть въ его государевѣ походѣ. 15-го царь отпустилъ напередъ себя въ Вязьму чудотворную икону Иверской Богородицы, которая не задолго до того принесена въ Москву изъ Царьграда отъ патріарха Парѳенія; вмѣстѣ съ патріархомъ Никономъ, освященнымъ соборомъ и со крестами царь провожалъ ее до Донского монастыря. Съ иконою поѣхали казанскій митрополитъ Корнилій и архимандриты монастырей Спасскаго въ Казани, Саввина Звенигородскаго

и Спасо-Евфиміевскаго въ Суздалѣ, игумны Петровскаго въ Москвѣ, Борисоглѣбскаго въ Ростовѣ и Клопскаго въ Новгородѣ. Передовой полкъ повелъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій съ товарищи, ертоульный-стольникъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ, большой полкъ кн. Яковъ Куденетовичъ Черкасскій съ товарищи, а сторожевой кн. Мих. Мих. Темкинъ-Ростовскій. Всѣ эти полки выступали одинъ за другимъ, тѣмъ же порядкомъ и съ тѣмъ же напутствіемъ, какіе мы видали выше, т.-е. бояре и воеводы слушали обѣдню въ Успѣнскомъ соборѣ, цѣловали руку у государя и шли съ войсками подъ дворцовые переходы, на которыхъ стояли царь и патріархъ; послѣдній кропилъ святой водой. Вслѣдъ затѣмъ, 18 мая, выступилъ и самъ государь со своимъ дворовымъ полкомъ и большою придворною свитою. Дворовыми воеводами въ этомъ полку были бояре Борисъ Ивановичъ Морозовъ и Илья Даниловичъ Милославскій. Далѣе за государемъ слѣдовали царевичи, грузинскій Николай Давидовичъ и двое сибирскихъ, бояре Никита Ив. Романовъ, Глѣбъ Ив. Морозовъ, кн. Борисъ Алек. Рѣпнинъ, Вас. Вас. Бутурлинъ и др. Въ свитѣ государя находились и его любимицы: окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, постельничій Ѳедоръ Мих. Ртищевъ Большой (Былъ еще Ѳед. Мих. Ртищевъ Меньшой), и ловчій Аѳан. Ив. Матюшкинъ. Въ числѣ головъ надъ сотнями стольниковъ и стряпчихъ встрѣчаемъ извѣстнаго самозванца князя Л. А. Шляковскаго; среди сотенныхъ головъ у городовыхъ дворянъ сыновей извѣстныхъ братьевъ Ляпуновыхъ, Прокопія и Захара: Льва Прокофьевича и Ивана Захаровича; а среди эсауловъ-стольниковъ въ государевомъ полку Ивана Дмитріевича Пожарскаго.

Сначала дворянскія сотни, рейтарскіе, гусарскіе и солдатскіе полки и стрѣлецкіе приказы собирались на полѣ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, и отсюда двинулись черезъ Кремль и дворецъ. Тутъ изъ окна Столо-

вой палаты патріархъ Никонъ кропилъ ихъ водою. Самъ государь отправился впереди со своею свитою. У городскихъ воротъ по обѣ стороны устроены были ступенчатые подмостки или рундуки, обитые краснымъ сукномъ. На нихъ стояли духовныя власти и кропили святою водой царя и ратныхъ людей. Въ государевомъ обозѣ слѣдовала его богато убранная, золоченная, обитая алымъ бархатомъ карета; но самъ онъ выступалъ изъ столицы верхомъ впереди войска. Первый станъ его былъ на Воробьевыхъ горахъ. Эта главная рать подъ личнымъ начальствомъ государя направилась обычнымъ Смоленскимъ путемъ черезъ Можайскъ и Вязьму на Дорогобужъ. Съ другой стороны князь Ал. Ник. Трубецкой, какъ мы видѣли, пошелъ на Брянскъ; онъ долженъ былъ соединиться съ полками Хмѣльницкаго. Третья рать собралась въ Путивлѣ подъ главнымъ начальствомъ Василія Борисовича Шереметева и оттуда направилась на Бѣлгородскую украйну, чтобы оберегать южные предѣлы отъ Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ. Въ случаѣ нужды, на сходъ съ Шереметевымъ должны были идти воеводы: изъ Яблонова князь Ив. Ромодановскій, изъ Путивля Н. Зюзинъ, изъ Козлова Пушкинъ. Противъ Татаръ должны были дѣйствовать также не только Донскіе казаки, но и союзные съ Москвою новые азіатскіе пришельцы въ наши юго-восточныя степи, Калмыки, которые своими нападеніями и грабежами уже успѣли сдѣлаться страшными для Крымцевъ и Нагаевъ.

На Москвѣ для обереганія столицы, царскаго семейства и двора государь назначилъ бояръ-князей Мих. Петр. Пронскаго и Ив. Вас. Хилкова съ нѣсколькими окольничими и думнымъ посольскимъ дьякомъ Ахматомъ Ивановымъ. На ихъ обязанности лежало посылать извѣстія и доносить обо всемъ государю. Высшій надзоръ за государственными дѣлами порученъ былъ патріарху Никону, безъ совѣта и соизволенія котораго не могли рѣшить Боярская Дума и начальники московскихъ приказовъ.

Межъ тѣмъ какъ Москва выставила большія силы для борьбы съ польшею, послѣдняя тщетно искала себѣ союзниковъ на западѣ. Тогда она обратилась къ Крымской ордѣ, гдѣ ханъ Исламъ-Гирей естественно пересталъ дружить Хмѣльницкому послѣ его подданства Москвѣ, и явно склонялся къ союзу съ Польшею. Но именно въ это лѣто (въ іюнѣ) Исламъ-Гирей умеръ, и прошло много времени, пока его братъ и преемникъ Мухаммедъ-Гирей утвердился на Крымскомъ престолѣ и послалъ Польшѣ помощь противъ Москвы. На сеймѣ, созванномъ въ концѣ мая, Янъ Казиміръ успѣлъ провести кое-какія мѣры для обороны Рѣчи Посполитой. По настоянію шляхты, онъ отдалъ вакантныя гетманскія булавы: коронную Станиславу Потоцкому, а полную Лянцкоронскому, большую литовскую Янушу Радивиллу, а польную литовскую подскарбію Винцентію Гонсѣвскому, съ которымъ Радивиллъ дотолѣ былъ въ явной враждѣ.

Вступая въ Польско-литовскіе предѣлы, передовые московскіе воеводы разсылали царскія грамоты, обращаемыя къ населенію. Эти грамоты указывали на просьбы Малороссіянъ о защитѣ православной вѣры и ихъ самихъ отъ польскаго гоненія, и призывали жителей „постричь хохлы на своихъ главахъ“ и вооружиться противъ Божіихъ супостатовъ. Тѣмъ, которые присягнутъ на вѣрность Московскому государю, обѣщалось сохраненіе ихъ домовъ и имущества отъ воинскаго разоренія.

Однако, въ самой свитѣ Алексѣя Михайловича были такіе приближенные люди, которые неохотно шли въ походъ, боялись предстоящихъ трудовъ и лишеній и пытались смущать молодого царя толками о прежнихъ неудачахъ въ войнахъ съ поляками; о чемъ онъ самъ съ огорченіемъ писалъ нѣкоторымъ довѣреннымъ лицамъ. Но царь быстро шелъ впередъ, поспѣшая къ Смоленску и надѣясь захватить этотъ важный городъ,

пока непріятель не успѣлъ собрать туда большія силы. Онъ, очевидно, избѣгалъ ошибокъ, которыми Шеинъ погубилъ свою армію. Скоро его бодрость была подкрѣплена извѣстіями объ успѣхахъ русскаго оружія.

4 іюня государь находился въ деревнѣ Ѳедоровской, за одинъ переходъ до Вязьмы, когда къ нему отъ передовыхъ воеводъ пришло донесеніе о первомъ военномъ успѣхѣ. При появленіи московскаго отряда подъ Дорогобужемъ, польско-литовскій гарнизонъ сего города съ своими начальниками покинулъ его и ушелъ въ Смоленскъ; конечно они видѣли враждебное имъ настроеніе жителей, тянувшихъ къ Москвѣ. И дѣйствительно, посадскіе люди немедля сдали городъ и отправили одного изъ своихъ лавниковъ съ нѣсколькими товарищами на поклонъ къ государю. Тотчасъ въ Москву отправленъ былъ гонецъ къ царицѣ Марьѣ Ильиничнѣ и патріарху Никону съ извѣстіемъ, что „Божію милостію, а его государевымъ счастіемъ городъ Дорогобужъ ему, государю, добилъ челомъ“. Спустя недѣлю, на пути между Вязьмою и Дорогобужемъ, на стану въ селѣ Чоботовѣ получилась вѣсть о сдачѣ города Невля воеводѣ боярину Вас. Петр. Шереметеву. А еще черезъ три дня (14 іюня), когда государь находился въ Дорогобужѣ, пригналъ одинъ стольникъ съ сеунчемъ (донесеніемъ) отъ воеводы сторожевого полку кн. Темкина-Ростовскаго о сдачѣ крѣпости Бѣлой. Къ счастливымъ воеводамъ Алексѣй Михайловичъ посылалъ похвальныя грамоты. 28 іюня онъ проѣхалъ въ Смоленскъ, гдѣ уже сражался съ полякамн передовой полкъ кн. Никиты Ив. Одоевскаго. Государь остановился на Богдановой околицѣ. На слѣдующій день, въ праздникъ свв. апостоловъ Петра и Павла, сюда прискакалъ новый гонецъ отъ боярина и воеводы Вас. Петр. Шереметева съ извѣстіемъ о сдачѣ знаменитаго города Полоцка. А 2 іюля пригналъ отъ князя Ал. Ник. Трубецкого съ товарищи сеунщикъ о взятіи Рославля. Съ Богдановой

Околицы государь передвинулся на Дѣвичью гору, т.-е. поближе къ Смоленску. Нѣсколько времени спустя, сюда явился новый гонецъ отъ кн. Трубецкого съ вѣстью о взятіи приступомъ города Мстиславля. Потомъ опять гонецъ отъ Шереметева съ донесеніемъ о взятіи Дисны и Друи. 2 августа явились гонцы отъ воеводъ всѣхъ трехъ полковъ: большого, передового и сторожевого, т.-е. отъ бояръ-князей Черкасскаго, Одоевскаго и Темкина-Ростовскаго, незадолго отправленныхъ подъ Оршу на гетмана Радивилла. Сначала, по оплошности Русскихъ, Радивиллу удалось нечаяннымъ ночнымъ нападеніемъ нанести имъ пораженіе; на помощь Черкасскому поспѣшилъ кн. Трубецкой изъ Мстиславля; Радивиллъ отступилъ передъ превосходными силами; воеводы его преслѣдовали; городъ Орша былъ взятъ. 20 августа отъ кн. А. Н. Трубецкаго пригнали сеунщика: обоихъ литовскихъ гетмановъ Радивилла и Гонсѣвскаго настигли и наголову разбили на рѣкѣ Шкловѣ (не доходя города Борисова). Въ теченіе августа и первыхъ чиселъ сентября постепенно приходили вѣсти о взятіи воеводами городовъ: Глубокаго, Озерища, Могилева, Усвята, Шклова, а наказнымъ гетманомъ Ив. Золотаренкомъ: Гомеля, Чичерска, Новаго Быхова и Пропойска. По просьбѣ бѣлорусскихъ горожанъ, государь обыкновенно подтверждалъ ихъ Магдебургское самоуправленіе; причемъ приказывалъ удалять изъ городовъ не только жидовъ, но и казаковъ, а ляховъ не допускать ни къ какимъ урядамъ.

Осадныя работы подъ Смоленскомъ дѣятельно подвигались впередъ и Московскій нарядъ разрушительно дѣйствовалъ по укрѣпленіямъ. Въ числѣ войскъ, осаждавшихъ Смоленскъ, находился вспомогательный отрядъ Малороссійскихъ казаковъ подъ начальствомъ Василія Золотаренка (братъ наказнаго гетмана). Спустя около двухъ мѣсяцевъ отъ начала осады, въ ночь на 16 августа произведенъ былъ приступъ. Русскіе приставили лѣстницы и полѣзли на стѣны. Но этотъ приступъ не удался:

Поляки удачно взорвали порохомъ одну башню, уже захваченную Русскими, и, пользуясь происшедшимъ отъ того замѣшательствомъ, отбили нападеніе. По словамъ самого Алексѣя Михайловича (въ его письмѣ къ сестрамъ), Русскіе потеряли 300 человѣкъ убитыми и тысячу ранеными; польскія извѣстія преувеличиваютъ наши потери до 2000 съ лишнимъ. Однако, укрѣпленія были во многихъ мѣстахъ настолько разрушены, что малочисленный гарнизонъ не могъ долго оборонять стѣны и многочисленныя башни. Извѣстіе о пораженіи литовскихъ гетмановъ произвело упадокъ духа; дисциплина стала быстро падать, и участились побѣги изъ города въ станъ осаждающихъ. Наконецъ, воевода Обуховичъ и полковникъ Корфъ обратились къ царю съ просьбою начать переговоры. Царь назначилъ для этого двухъ стольниковъ Милославскихъ и стрѣлецкаго голову Артамона Сергѣевича Матвѣева (который со своимъ приказомъ во время означеннаго приступа направленъ былъ на Днѣпровскія ворота и Наугольную башню). Дьякомъ при нихъ состоялъ Максимъ Лихачовъ. Нѣсколько дней велись переговоры объ условіяхъ; порѣшили на томъ, чтобы ратные люди и мѣщане, которые не захотятъ служить московскому государю, были отпущены въ Литву. 23 сентября государь выѣхалъ съ дворомъ изъ своего стана съ Дѣвичьей Горы и сталъ противъ Малаховскихъ воротъ, окруженный русскими полками. Тутъ совершилось повтореніе той сцены, которая происходила подъ Смоленскомъ 19 февраля 1634 года, только въ обратномъ смыслѣ. Теперь польско-литовскія хоругви клали передъ московскимъ царемъ свои знамена, ихъ начальники ударяли челомъ, и затѣмъ гарнизонъ пошелъ въ Литву. Впрочемъ, на сей разъ сцена не была такъ печально-величественна, какъ прежняя, по малолюдству гарнизона и его отнюдь не столь тяжелымъ страданіямъ. Государь послѣ того побывалъ въ городѣ, но не поселился въ немъ, а расположилъ свой станъ передъ Малаховскими

воротами, гдѣ 25 сентября происходило освященіе вновь построенной тафтяной, т.-е. походной, церкви Воскресенія Христова казанскимъ митрополитомъ Корниліемъ. Послѣ обѣдни бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе и дворяне приходили къ государю поздравить его со Смоленскомъ; при чемъ подносили хлѣбы и соболей. Въ тотъ же день у государя въ столовомъ шатрѣ былъ пиръ для бояръ и окольничихъ. Въ числѣ пирующихъ находился наказной гетманъ Иванъ Золотаренко. Спустя три дня, новый царскій пиръ, на которомъ угощались стольники, исполнявшіе должность эсауловъ въ государевомъ полку, и, кромѣ того, Смоленская шляхта, присягнувшая на вѣрность государю.

Съ конца сентября до конца октября включительно продолжались наступательныя дѣйствія; между тѣмъ взяты были еще города Горки, Дубровна, Витебскъ. Такимъ образомъ, вся восточная часть Бѣлоруссіи до рѣки Березины была завоевана. Не сдавался только днѣпровскій городъ Старый Быховъ, который былъ осажденъ наказнымъ гетманомъ Иваномъ Золотаренкомъ. Но въ эту первую и самую удачную для Москвитянъ эпоху войны самъ малороссійскій гетманъ отличался бездѣйствіемъ. Собравъ большое войско, онъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, какъ мы видѣли, стоялъ подъ Богуславомъ. Отсюда передвинулся къ Хвастову; здѣсь опять остановился и не двигался далѣе подъ предлогомъ опасности со стороны татаръ; онъ возобновилъ сношенія съ Крымскимъ ханомъ и старался отвлечь его отъ союза съ Поляками. Алексѣй Михайловичъ былъ недоволенъ медлительностью Хмѣльницкаго и торопилъ его походомъ, указывая на полки В. Б. Шереметева, которые имѣли своимъ назначеніемъ оборонять Украйну отъ Татаръ. Въ сентябрѣ гетманъ постоялъ немного подъ Бердичевымъ совмѣстно съ московскимъ отрядомъ Андрея Вас. Бутурлина. Отсюда онъ пошелъ въ свой Чигиринъ, а Бутурлинъ въ Бѣлую Церковь (онъ вскорѣ умеръ). Богданъ, однако, не ошибся

въ своихъ предположеніяхъ, что Поляки, слабо защищавшіе Бѣлую Русь, обратятъ свои главныя силы и свою энергію на отвоеваніе дорогой для нихъ Украйны, и что на помощь къ нимъ придетъ Крымская орда; но онъ напрасно давалъ имъ время не спѣша собраться и приготовиться къ наступленію.

Алексѣй Михайловичъ принужденъ былъ пріостановить свое наступленіе въ глубь великаго княжества Литовскаго по причинѣ моровой язвы, которая тогда страшно свирѣпствовала въ его войскахъ и въ его государствѣ. Она перешла сюда изъ Украйны, гдѣ явилась обычнымъ послѣдствіемъ предыдущихъ войнъ, разореній и массы неубранныхъ труповъ людей и животныхъ, заражавшихъ воздухъ. 5 октября государь отправился изъ-подъ Смоленска и, спустя 16 дней, остановился въ Вязьмѣ, не рѣшаясь идти въ Москву, гдѣ моръ былъ особенно силенъ". (Иловайскій. Исторія Россіи. У. 130-137).

Царь вернулся въ Москву 10 февраля и торжественно былъ встрѣченъ всѣмъ населеніемъ столицы, но уже въ мартѣ ему пришлось вновь покинуть Москву и отправиться къ войскамъ, т. к. стали приходить тревожныя вѣсти съ обоихъ театровъ войны. „Въ Могилевѣ начальствовали воевода Воейковъ и полковникъ Поклонскій. Послѣдній былъ изъ мѣстныхъ православныхъ шляхтичей; онъ выѣхалъ въ войско Хмѣльницкаго, былъ имъ рекомендованъ царю какъ пострадавшій за вѣру, принятъ въ государеву службу, пожалованъ въ полковники, отличился при взятіи нѣкоторыхъ городовъ, и помогъ москвитянамъ овладѣть Могилевымъ, уговоривъ его жителей къ сдачѣ, и съ своимъ казацкимъ полкомъ, набраннымъ въ Бѣлоруссіи, оставленъ въ Могилевѣ. Осаждавшій старый Быховъ наказной гетманъ Иванъ Золотаренко былъ недоволенъ тѣмъ, что Могилевъ сдался не ему, и сталъ враждовать съ Поклонскимъ. Черкасы или казаки Залотаренка ѣздили въ Могилевскій уѣздъ и собрали въ свою пользу хлѣбныя запасы, сѣно, скотъ

и оброки съ крестьянъ; при чемъ били и выгоняли московскихъ стрѣльцовъ и людей Поклонскаго, пріѣзжавшихъ въ уѣздъ для сбора запасовъ на могилевскій гарнизонъ. Но Золотаренко, не взявъ Стараго Быхова, отступилъ въ Новый, а съ нимъ удалились и его черкасы. Теперь московскіе стрѣльцы и солдаты стали терпѣть обиды и побои отъ казаковъ Поклонскаго, который не думалъ ихъ унимать; сердце шляхтича, очевидно, не лежало къ московскимъ людямъ, когда онъ познакомился съ ними ближе. Кромѣ шляхтичей, то же явленіе замѣчалось и у многихъ мѣстныхъ горожанъ, не говоря уже о мѣстныхъ жидахъ. Въ январѣ 1655 года литовскіе гетманы Радивиллъ и Гонсѣвскій предприняли наступательное движеніе на верхнеднѣпровскіе города, занятые москвитянами. Въ нѣкоторыхъ городахъ обнаружилась измѣна; напримѣръ, Орша и Озерище передались Литвѣ. Но нападепіе Радивилла на Новый Быховъ, гдѣ заперся Золотаренко, было отбито. Отступивъ отсюда, Радивиллъ двинулся на Могилевъ; ибо Полонскій уже вошелъ съ нимъ въ тайныя сношенія. Когда гетманъ осадилъ Могилевъ, Полонскій 5 февраля, подъ предлогомъ вылазки, часть своего полка вывелъ въ поле, передался Литовцамъ и впустилъ ихъ въ Большой Острогъ. Но воевода Воейковъ со своими ратными людьми и съ тѣми мѣщанами, которые остались вѣрны Москвѣ, заперся въ Вышнемъ городѣ или замкѣ и упорно оборонялся. Въ то же время произведено было движеніе польскаго войска съ княземъ Лукомскимъ къ Витебску. Подвергшись нечаянному нападенію Матвѣя Васильевича Шереметева, Лукомскій потерпѣлъ сначала неудачу; но, собравшись съ силами, осадилъ Витебскъ, и Шереметевъ едва отсидѣлся.

Еще болѣе тревожныя событія произошли на Малорусскомъ театрѣ войны. Уже союзники Богдана Хмѣльницкаго крымскій ханъ Исламъ-Гирей, какъ извѣстно, склонялся на сторону Поляковъ, когда Малая Русь под-

далась Москвѣ: ханъ ясно видѣлъ, что возрастающее могущество сей послѣдней нарушало равновѣсіе; а это нарушеніе угрожало опасностью и самому Крыму. Поляки воспользовались такимъ настроеніемъ и съ помощью золота убѣдили младшаго брата и преемника Исламова, Мухаммедъ-Гирея, прямо заключить союзъ противъ Москвы и казаковъ. Настоящимъ руководителемъ крымской политики оставался все тотъ же визирь Сеферъ-Гази-ага, который состоялъ прежде главнымъ совѣтникомъ умершаго хана; благосклонный прежде къ Богдану Хмѣльницкому, онъ теперь показывалъ сильное негодованіе на его соединеніе съ Москвою. Мы видѣли, что Хмѣльницкій опасался нападенія Татаръ и бездѣйствовалъ въ то время, когда оба коронные гетмана, Потоцкій и Лянцкоронскій, свирѣпствовали въ юго-западной части Украйны. Зимой пришли нѣсколько десятковъ тысячъ Татаръ и соединились съ Поляками. Это соединенное войско осадило Умань, гдѣ заперся храбрый полковникъ Богунъ. На помощь послѣднему отъ Бѣлой Церкви поспѣшили самъ гетманъ Хмѣльницкій и находившійся въ соединеніи съ нимъ московскій воевода Василій Борисовичъ Шереметевъ; но они поспѣшили не со всѣми силами, а только съ небольшою частью ихъ, введенные въ заблужденіе невѣрными слухами о количествѣ непріятельскаго войска. Не доходя Умани, подъ городомъ Ахматовымъ, они неожиданно для себя 19 января встрѣтились съ Поляками и Татарами вчетверо болѣе многочисленными; тутъ они увидали свою оплошность; однако не смутились, а мужественно вступили въ бой въ открытомъ полѣ и выдержали его до наступленія темноты. Окруженные со всѣхъ сторонъ, ночью казаки и Москвитяне укрѣпились обозомъ или таборомъ, и приготовились къ отчаянной оборонѣ. Лютый морозъ вредилъ обѣимъ сторонамъ, но всего болѣе непривычнымъ и легко одѣтымъ Полякамъ и Татарамъ, которые гибли во множествѣ. На второй день, съ помощью своихъ

пушекъ и пищалей, Русскіе удачно отбивали приступы враговъ. А на третій день воеводы ихъ рѣшили идти напроломъ и всѣмъ таборомъ двинулись сквозь непріятельское войско. Татарская конница дѣлала натиски на нашъ таборъ; она разбивалась о сани и теряла своихъ коней. Русскіе въ крайнихъ случаяхъ вывертывали изъ саней оглобли и особенно успѣшно били ими Татаръ. Наконецъ, хотя и съ большими потерями людей, пушекъ, знаменъ и пр., удалось пробиться, и они воротились подъ Бѣлую Церковь, куда непріятели не рѣшились за ними слѣдовать.

Несмотря на такое удачное отступленіе, Алексѣй Михайловичъ остался недоволенъ дѣйствіями Хмѣльницкаго и русскихъ воеводъ, которые, по его мнѣнію, должны были вести войну наступательную, а не оборонительную. Онъ отозвалъ В. Б. Шереметева, а на его мѣсто прислалъ въ Бѣлую Церковь извѣстнаго боярина Василія Васильевича Бутурлина и стольника князя Гр. Гр. Ромодановскаго, съ приказомъ имъ и гетману со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ идти подъ непріятельскіе города.

Поляки, ободренные извѣстіями о страшномъ опустошеніи Московскаго государства моровою язвою, не ожидали, что царь Алексѣй Михайловичъ такъ скоро вернется на театръ войны и притомъ съ большими силами; а потому вожди ихъ были смущены одновременно въ разныхъ мѣстахъ начавшимся наступленіемъ царскихъ воеводъ, и стали отходить. Между прочимъ и гетманъ Радивиллъ покинулъ осаду Могилева. 24 мая самъ государь двинулся изъ Смоленска къ столицѣ великаго княжества Литовскаго. Въ Шкловѣ, гдѣ царь оставался нѣкоторое время, онъ 26 іюня получилъ извѣстіе о взятіи крѣпкаго города Велижа стольникомъ Матвѣемъ Вас. Шереметевымъ. А потомъ на пути къ Борисову 6 іюля къ нему „пригнали сеунчики“ отъ князя-боярина Ѳед. Юр. Хворостинина и окольничаго Бог. Мат. Хитрово

съ увѣдомленіемъ о взятіи города Минска. Но походъ вообще замедлялся вслѣдствіе затрудненій въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ для войска. На Вильну государь двинулъ полки: большой съ княземъ Як. Куд. Черкасскимъ, передовой съ кн. Никитой Ив. Одоевскимъ, сторожевой съ кн. Бор. Александров. Репнинымъ, ертоульный съ другимъ княземъ Черкасскимъ и отрядъ казаковъ съ наказнымъ гетманомъ Золотаренкомъ. А 13 іюня изъ Борисова самъ пошелъ за ними. Когда онъ, не дойдя 50 верстъ до Вильны, расположился станомъ въ деревнѣ Крапивнѣ, сюда 30 іюня прискакали гонцы отъ помянутыхъ воеводъ съ извѣстіемъ, что „Божіею милостію, а его государевымъ счастіемъ" они побили обоихъ литовскихъ гетмановъ, Радивилла и Гонсѣвскаго, и прогнали ихъ за рѣку Вилію, а столицу вел. княжества Литовскаго, городъ Вильну, взяли. Государь немедля послалъ увѣдомить о такомъ важномъ успѣхѣ въ Москву царицу и патріарха, также къ воеводамъ другихъ полковъ и къ гетману Хмѣльницкому; а къ побѣдителямъ отправилъ своего комнатнаго стольника Ладыженскаго съ „государевымъ жалованнымъ словомъ" и велѣлъ спросить ихъ о здоровьѣ. Затѣмъ обрадованный царь поспѣшилъ въ Вильну, при чемъ съ дороги писалъ своимъ сестрамъ, что: „постоявъ подъ Вильною недѣлю для запасовъ, прося у Бога милости и надѣяся на отца нашего великаго государя святѣйшаго Никона патріарха молитвы, пойдемъ къ Оршавѣ". Если вѣрить иностраннымъ источникамъ, царь совершилъ очень пышный въѣздъ въ Вильну, сидя въ роскошной, внутри обитой бархатомъ, каретѣ, запряженной шестерней свѣтло-гнѣдыхъ коней. Тутъ 9 августа онъ получилъ отъ воеводъ извѣстіе о взятіи города Ковны, а 29-го о занятіи Гродны. Теперь Алексѣй Михайловичъ къ своему царскому титулу присоединилъ титулъ великаго князя Литовскаго, Бѣлыя Россіи, Волынскаго и Подольскаго; о чемъ издалъ особый указъ (отъ 3 сентября 1655 года).

Межъ тѣмъ гетманъ Хмѣльницкій, соединивъ свои силы съ московскими войсками боярина В. В. Бутурлина, двинулся на Подолію и Галицію. Внезапное отозваніе польскихъ войскъ изъ Украйны, причиненное нашествіемъ Шведскаго короля, облегчило движеніе соединеннымъ московско-казацкимъ силамъ. Постоявъ немного подъ Каменцомъ, москвитяне и казаки отступили и направились ко Львову, который и осадили. Коронный гетманъ Потоцкій, собравъ нѣсколько тысячъ войска подъ Глинянами, отступилъ за Львовъ и сталъ подъ мѣстечкомъ Грудекъ, угрожая нашему тылу. Тогда Хмѣльницкій пошелъ на него, побилъ и разсѣялъ его войска. Послѣ того московскіе и казацкіе полки (въ концѣ сентября 1655 г.) со всѣхъ сторонъ облегли Львовъ, выставили сильную артиллерію и начали громить его огнестрѣльными снарядами; а время отъ времени дѣлали приступы и пытались ворваться въ городъ. Но Львовскіе граждане, какъ и въ первую осаду Хмѣльницкаго (въ 1649 г.), оказали мужественное сопротивленіе. Обороною руководилъ генералъ артиллеріи Кристофъ Гродзицкій. Во время сей осады части русскихъ войскъ ходили еще далѣе въ глубь коронныхъ земель, брали плѣнныхъ и добычу. Они достигли до Замостья и Люблина; первый городъ вновь отстоялъ себя, а второй присягнулъ на имя Московскаго царя и далъ окупъ. Но осада Львова затянулась. Успѣху львовской обороны болѣе всего помогли искусно веденные переговоры, которые тянулись почти все время осады. На увѣщательныя грамоты Хмѣльницкаго о сдачѣ и принесеніи присяги царю Московскому, городское управленіе присылало краснорѣчивые отвѣты о своей вѣрности Польскому королю. Делегаты сего управленія (Яушевичъ, Сахновичъ, Лавришевичъ и др.) свободно приходили въ станъ Хмѣльницкаго, расположенный на Святоюрской горѣ, находили здѣсь радушный пріемъ и угощеніе, и своими переговорами удачно выигрывали время. Замѣтивъ не

особенно дружескія отношенія между Хмѣльницкимъ и Бутурлинымъ, они съ іезуитскою ловкостью умѣли произвести въ гетманѣ еще большее охлажденіе къ его московскимъ союзникамъ. При чемъ они иногда искусно льстили самолюбію казаковъ, выхваляя ихъ храбрость, приписывая исключительно имъ одержанные военные успѣхи и стараясь унижать Москвитянъ. Въ самомъ окруженіи гетмана они нашли себѣ помощниковъ, въ лицѣ генеральнаго писаря Ивана Выговскаго и переяславскаго полковника Павла Тетери. Выговскій, по всѣмъ признакамъ, уже тогда началъ измѣнять Москвѣ и склонялъ гетмана къ пощадѣ осажденнаго города; а Тетеря, человѣкъ школьнаго образованія, владѣвшій латинскимъ языкомъ, однажды во время спора городскихъ делегатовъ съ гетманомъ шепнулъ имъ по-латински: Sitis constantes et generosi (будьте тверды и мужественны, т.-е. не уступайте). Въ пользу осажденнаго города ходатайствовалъ передъ гетманомъ и русскій епископъ во Львовѣ Желиборскій. Въ станѣ Хмѣльницкаго сошлись тогда послы и Яна Казиміра, и Карла Густава; каждый, конечно, склонялъ его на свою сторону. Эти переговоры и колебанія гетмана ослабили энергію осады. Онъ, очевидно, не показывалъ большой охоты завоевать сей городъ для Московскаго царя. Осада длилась уже около шести недѣль, наступили осеннія непогоды и недостатокъ запасовъ, а главное, пришли вѣсти о движеніи Крымскаго хана на Украйну на помощь Полякамъ. Наконецъ, гетманъ, ограничась, сравнительно небольшимъ окупомъ, 8 ноября (нов. стиля) отступилъ съ казацкими полками отъ города. За нимъ принужденъ былъ то же сдѣлать и воевода Бутурлинъ съ московскими полками; при чемъ пошелъ такъ спѣшно, что бросалъ пушки дорогою, и войско его сильно страдало отъ голода и холода. Такимъ образомъ, изъ главныхъ городовъ Рѣчи Посполитой Львовъ былъ единственный, отразившій непріятелей и оставшійся въ рукахъ Поляковъ. А на Днѣпрѣ держался

еще противъ Русскихъ Старый Быховъ, осажденный наказныхъ гетманомъ Иваномъ Золотаренкомъ.

Въ слѣдующемъ 1656 г. вспыхнула война со Швеціей, вслѣдъ за войсками 15 мая выѣхалъ изъ Москвы и самъ Алексѣй Михайловичъ, при чемъ направился на Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ „Шведскія войска были разсѣяны въ Польшѣ и Сѣверной Литвѣ, а потому вторженіе царской рати въ Шведскую Ливонію, въ іюлѣ 1656 г., началось рядомъ успѣховъ. 30 числа взятъ приступомъ Динабургъ, который былъ переименованъ царемъ въ Борисоглѣбскъ потому, что въ немъ онъ построилъ церковь во имя Бориса и Глѣба. А спустя двѣ недѣли также штурмомъ взятъ сильно укрѣпленный Кокенгузенъ; здѣсь государь поставилъ церковь во имя св. царевича Дмитрія, а потому переименовалъ городъ въ Дмитріевъ; воеводою въ немъ назначилъ А. Л. Ордына-Нащокина, который немедля разослалъ сосѣдней литовской шляхтѣ грамоты, призывая ее ополчиться противъ Шведовъ. Взявъ еще нѣсколько замковъ, царь свои главныя силы сухопутьемъ и рѣкой Двиной направилъ къ Ригѣ. Часть рати заранѣе была отправлена изъ Новгорода съ княземъ А. Н. Трубецкимъ, Ю. А. Долгоруковымъ и Сем. Ром. Пожарскимъ на Юрьевъ или Дерптъ. Въ то же время отдѣльные отряды наши напали на шведскія владѣнія по рѣкѣ Невѣ и берегамъ Финскаго залива и Ладожскаго озера, т.-е. пытались отвоевать обратно тѣ русскія земли, которыя остались за Шведами по Столбовскому договору. Русскіе взяли крѣпость Ніеншанцъ и осадили Корелу и Орѣшекъ.

Въ началѣ августа къ Ригѣ подступилъ князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій, и сталъ на Задвинской сторонѣ; а затѣмъ съ остальными полками подошелъ самъ царь, сопровождаемый престарѣлымъ генераломъ Лесли, и расположился по другую сторону. Иностранныя извѣстія опредѣляютъ число осаднаго войска въ 100000 слишкомъ. Во всякомъ случаѣ оно было огромно въ

сравненіи съ малочисленнымъ гарнизономъ, хотя къ послѣднему присоединились вооруженные граждане.

Русскіе опустошили и сожгли подгородніе дворы и строенія; насыпали шанцы, поставили батареи, и начали громить городъ снарядами изъ большихъ орудій и мортиръ. Осадныя работы велись иностранными инженерами подъ общимъ руководствомъ генерала Лесли. Русскіе еще въ началѣ осады успѣли овладѣть внѣшними земляными валами и городскими предмѣстьями съ ихъ садами и рощами, которые послужили прикрытіемъ для траншейныхъ работъ. Но губернаторъ рижскій графъ Габріель Дела-Гарди оборонялся искусно и мужественно; благодаря свободному сообщенію по Двинѣ съ ея устьемъ, онъ успѣлъ получить подкрѣпленія, дѣлалъ удачныя вылазки и особенно нанесъ большой уронъ Русскимъ, истребивъ часть ихъ судовъ, нагруженныхъ боевыми и съѣстными припасами. Вообще осада пошла неудачно и затянулась; что объясняется отчасти недостаткомъ у насъ военнаго или собственно осаднаго искусства, а отчасти измѣной нѣкоторыхъ иностранныхъ офицеровъ, которые служили въ нашихъ солдатскихъ полкахъ и перебѣжали къ непріятелю. Несмотря на совѣты Лесли и другихъ объ отступленіи, царь все еще упорствовалъ и продолжалъ осаду. Межъ тѣмъ наступили осеннее ненастье и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ разореной странѣ; голодные солдаты и стрѣльцы начали убѣгать изъ лагеря цѣлыми партіями. Царь уже сталъ готовиться къ снятію осады и хотѣлъ только еще разъ попытать счастья рѣшительнымъ штурмомъ; но, извѣщенные измѣнниками, Шведы предупредили его. 2 октября они рано поутру вышли съ большими силами и энергично ударили на русскіе шанцы. Имъ удалось разбить солдатскіе полки Циклера, Ренарта, Англера, Юнгмана и приказъ стрѣльцовъ. Мы потеряли до 2000 человѣкъ и 17 знаменъ (а вся осада стоила намъ до 15,000). Тогда Алексѣй Михайловичъ далъ приказъ къ отступленію,

которое произведено было и сухопутьемъ, и рѣкой Двиной*). Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для него послужила послѣдовавшая вскорѣ (12 октября) сдача Дерпта или Юрьева Ливонскаго князю А. Н. Трубецкому съ товарищи, которые жителей его привели къ присягѣ на вѣрность государю. Такимъ образомъ въ нашихъ рукахъ осталась восточная полоса Лифляндіи, опиравшаяся съ одной стороны на крѣпости Борисоглѣбскъ и Царевиче-Дмитріевъ, съ другой на Юрьевъ, Нейгаузенъ и Маріенбургъ, которые царь усилилъ и снабдилъ достаточнымъ гарнизономъ и всякими запасами".

Мы подробно остановились на этихъ войнахъ, т.-к. цѣлый радъ Савеловыхъ принималъ въ нихъ участіе.

Возвращеніе изъ этого похода было невеселымъ— Иванъ Петровичъ не засталъ въ живыхъ ни жены (Евфиміи), ни своихъ четверыхъ дѣтей, сдѣлавшихся жертвами свирѣпствовавшей въ 1654 г. въ Москвѣ и ея области моровой язвы. Смерть его близкихъ, повидимому, произвела на Ивана Петровича сильное впечатлѣніе и уже въ 1655 г. мы видимъ его инокомъ Кіевскаго Межигорскаго монастыря, который до конца дней его пользовался расположеніемъ своего постриженника, п. Іоакимъ сдѣлалъ его ставропигіальнымъ, всегда помогалъ ему матеріально и не забылъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи.

Старецъ Іоакимъ не долго усидѣлъ на берегахъ Днѣпра, уже въ 1657 г. мы видимъ его строителемъ Иверскаго монастыря на Валдаѣ, незадолго передъ этимъ основаннымъ патр. Никономъ; о переходѣ Іоакима въ Иверскій монастырь есть грамота патріарха Никона на имя архимандрита Діонисія въ сентябрѣ 1657 г. (Акты Истор. IV, № 108), въ Иверскомъ монастырѣ Іоакимъ пробылъ до февраля 1663 г., когда былъ переведенъ въ Воскресенскій монастырь, но поссорясь, по словамъ архимандрита Леонида (Кавелина), съ патріархомъ

*) Въ осадѣ Риги участвовали Павелъ и Иванъ Петровичи, Иванъ Михѣевичъ и Степанъ Ивановичъ Савеловы.

Никономъ, жившемъ въ это время въ Воскресенскомъ монастырѣ, ушелъ въ Москву, гдѣ и былъ назначенъ келаремъ Новоспасскаго монастыря, а въ слѣдующемъ году возведенъ въ санъ архимандрита съ назначеніемъ настоятелемъ Чудова монастыря (Руск. Ист. Библ. V, 36). Мы нигдѣ не встрѣчаемъ указаній на ссору въ это время Іоакима съ Никономъ, архимандритъ Леонидъ не указываетъ источника откуда имъ почерпнуто это извѣстіе и оно остается вполнѣ на его отвѣтственности, хотя принимая во вниманіе крутые характеры обоихъ—это было весьма возможно, тѣмъ болѣе, что Никонъ кромѣ своего деспотическаго характера не могъ не быть раздраженнымъ всѣмъ, что происходило въ это время въ Москвѣ, гдѣ шла упорная борьба вокругъ его имени.

Съ назначеніемъ архимандритомъ Чудова монастыря Іоакиму открывается болѣе широкое поле для его дѣятельности, онъ становится извѣстенъ царю Алексѣю Михайловичу, который, по словамъ житія Іоакима, „велми любяше и почитаху сего архимандрита Іоакима и начастѣ сему повелѣваше пресвѣтлыя свои государскіе очи видѣти, и бесѣдоваше с нимъ зѣло любѣзно и в сладость послушаше его о всяких своих царственныхъ дѣлахъ великих вѣдый его мужа праведна и добродѣтельна, тиха и кротка“. (Житіе и завѣщаніе св. патріарха Московскаго Іоакима, 30).

Мы не будемъ касаться всей дальнѣйшей дѣятельности Іоакима, она настолько обширна, время его жизни настолько богато событіями, въ которыхъ онъ принималъ ближайщее и непосредственное участіе, что можетъ потребовать отдѣльнаго изслѣдованія.

Въ 1672 г. Новгородскій митрополитъ Питиримъ былъ возведенъ на патріаршій престолъ, на его мѣсто въ Новгородъ былъ призванъ Іоакимъ, здѣсь онъ пробылъ недолго—пріѣхавъ 4 февраля 1673 г., онъ сейчасъ же послѣ смерти патріарха Питирима, послѣдовавшей 19 апрѣля, былъ вызванъ въ Москву, гдѣ и остается

уже до возведенія на патріаршій престолъ 23 іюля 1674 г. Скончался патріархъ Іоакимъ 17 марта 1690 г., проболѣвъ недолго рожей, еще 28 февраля онъ присутствовалъ во дворцѣ на обѣдѣ, но это, повидимому, былъ его послѣдній выходъ, т. к. Дворцовые Разряды его болѣе не упоминаютъ. О Іоакимѣ мы найдемъ богатый печатный матеріалъ весьма разнообразнаго характера, мнѣнія о немъ весьма различны, многіе изъ изслѣдователей нападаютъ на его дѣятельность, часто даже передергивая факты и сообщая иногда чистѣйшій вздоръ, въ родѣ того, что онъ научился грамотѣ, будучи въ Иверскомъ монастырѣ (Рус. Біограф. Слов.) или же, что онъ настоялъ на казни Сильвестра Медвѣдева, который казненъ почти годъ спустя послѣ кончины Іоакима (Пыпинъ. Послѣднія времена Моск. Руси), но когда нужно вывести извѣстное заключеніе, то отчего и не передернуть. Но повторяю дѣятельность Іоакима настолько обширна, что требуетъ особаго изслѣдованія и на ней останавливаться не будемъ.

Іоакимъ оставилъ духовное завѣщаніе политическаго содержаніе *) и между прочимъ завѣщалъ похоронить его въ Новоспасскомъ монастырѣ, но эта часть духовнаго завѣщанія не была исполнена и онъ погребенъ былъ въ Успенскомъ соборѣ.

Вторымъ сыномъ Петра Ивановича былъ Павелъ, который началъ службу въ рейтарахъ и участвовалъ во всѣхъ походахъ того времени, о чемъ онъ самъ говорилъ въ одномъ своемъ челобитьи 1681 г., въ этомъ же челобитьи показано число принадлежавшихъ ему дворовъ въ разныхъ уѣздахъ, а также и степень его готовности къ походу (М. А. М. Ю. Разр. Прик. Столбцы Моск. ст. 600, л. 353): „въ его государеву полковую

*) Духовное завѣщаніе Іоакима послужило канвою для завѣщанія св. Митрофанія Воронежскаго, который почти цѣликомъ воспользовался имъ, здѣсь курьезно то, что завѣщаніе св. Митрофанія восхваляется, какъ заслуживающее особаго вниманія, а подобное же патріарха Іоакима порицается, какъ примѣръ отсталости взглядовъ Іоакима.

службу написанъ я въ 156 году по выбору по Можайску, а во 179 году пожалованъ по московскому списку, а на службахъ отца его государева блаженныя памяти великого государя, царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца былъ во 162 и во 163 и во 164 и во 165 годѣхъ въ его государевыхъ въ литовскихъ и въ нѣмецкихъ походѣхъ и во 166 году во Псковѣ съ стольникомъ и воеводою со княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ „новловскомъ“ (на гдовскомъ?) бою съ граѳомъ Магнусомъ (Делагарди), да во 166-мъ году съ бояриномъ и воеводою со княземъ Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ на Конотопскомъ бою, да во 168 и 169 годѣхъ съ бояриномъ и воеводою со княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ, да во 172 и 173 годѣхъ съ бояриномъ и воеводою со княземъ Яковомъ Куденетовичемъ Черкасскимъ, да съ бояриномъ и воеводою со княземъ Иваномъ Семеновичемъ Прозоровскимъ на Касулецкомъ бою, во 179 году со княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруково въ низовыхъ городѣхъ, во 187 году съ бояриномъ и воеводою со княземъ Михаиломъ Юрьевичемъ Долгоруково подъ Кіевомъ, а за тѣ вышеписанныя службы былъ я на Корочѣ воеводою во 175 и 176 и во 177 годѣхъ 3 года, а его великого государя жалованья за мною оброчныхъ деревень въ Переяславлѣ Залѣсскомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ 62 двора, да въ Кашинѣ 13 дворовъ, на Рязани 20 дворовъ, въ Суздалѣ 33 двора, въ Можайску 5 дворовъ да задворныхъ и дѣловыхъ людей 2 семьи, да съ тѣхъ же моихъ деревень служитъ сынишко мой въ стряпчихъ Гаврило, а за нимъ помѣстья и вотчинъ нѣтъ ни единыя чети, да со мною жъ живутъ два сынишка и служатъ великому государю съ тѣхъ-же моихъ деревень, а за ними деревнишки не большія, а на государевѣ службѣ будучи я самъ на конѣ, на мнѣ сабля, двѣ пары пистолетовъ, двѣ лошади простыхъ, а людей за мною съ боемъ 4 чело-

вѣка съ бердыши и съ пищалями“.

Въ 1648 г. пожалованъ по выбору (по Можайску), въ 1667-69 г. былъ воеводой въ Корочѣ, въ слѣдующемъ 1670 г. пожалованъ по московскому списку, въ 1670-71 г. будучи рейтарскимъ полуполковникомъ участвовалъ въ усмиреніи Разинскаго бунта. Въ этомъ походѣ въ Низовые города участвовали всѣ три брата въ полку кн. Ю. А. Долгорукаго и всѣ имѣли чинъ рейтарскаго полуполковника. Въ 1670 г. разразился бунтъ поднятый Разинымъ и охватившій всю Волгу, 1 августа послѣдовало назначеніе воеводой кн. Ю. А. Долгорукаго, который и принялъ начальство надъ войсками, дѣйствовавшими въ окрестностяхъ Арзамаса и Нижняго Новгорода.

„Прибывъ къ войску, Долгоруковъ увидѣлъ, что оно находится въ плачевномъ состояніи и не можетъ начать наступательныхъ дѣйствій: подкрѣпленія не приходили, такъ какъ дороги были заняты мятежниками, войска было мало, да и оно было ненадежно, запасовъ не было, а бунтъ охватывалъ Арзамасъ съ юга, сѣвера и востока. Но Долгоруковъ не потерялъ головы и бодро началъ обороняться отъ наступавшихъ мятежниковъ; воеводы, посланные имъ—думный дворянинъ Леонтьевъ и окольничій князь Щербатовъ, разбили и разсѣяли бунтовщиковъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и заставили ихъ отступить. Напоръ на Арзамасъ былъ такимъ образомъ сдержанъ, и Долгоруковъ началъ наступательныя дѣйствія. Прежде всего, для того чтобы очистить сѣверъ и окрестности Нижняго Новгорода, которому угрожала серьезная опасность, онъ послалъ воеводу Леонтьева и князя Щербатова, которые напали на главное гнѣздо мятежниковъ, село Мурашкино, разбили ихъ на голову и 28 октября пришли въ Нижній и очистили его окрестности. Другой воевода, Лихаревъ, расчистилъ путь до самаго Темникова, другого центра мятежа, разбилъ бунтовщиковъ и овладѣлъ городомъ. Слѣдомъ за нимъ двинулся въ Темниковъ и самъ Долгоруковъ и 4 декабря

занялъ городъ; отсюда пошелъ на Красную Слободу, овладѣлъ ею и, устроивъ тамъ свою главную квартиру, оттуда продолжалъ военныя дѣйствія противъ мятежниковъ. Но Долгоруковъ не могъ объединить дѣйствій отдѣльныхъ воеводъ, такъ какъ въ Казани сидѣлъ воевода князь Урусовъ, усмирявшій мятежъ въ остальной части Поволжья. Въ Москвѣ понимали это, и вскорѣ Урусовъ былъ отозванъ, а главное начальство надъ всѣми войсками на Волгѣ было поручено Долгорукову, который теперь быстро привелъ мятежъ къ концу: онъ послалъ воеводу Панина къ Алатырю, гдѣ тотъ соединился съ княземъ Юріемъ Никитичемъ Барятинскимъ, и оба воеводы, разбивъ мятежниковъ и очистивъ отъ нихъ окрестности Алатыря, двинулись къ Саранску и очистили всю эту область. Въ то же время другой Барятинскій, князь Данила, очистилъ Ядринъ и Курмышъ, а князь Щербатовъ занялъ Троицкій Острогъ, оба Ломова и Пензу. Наконецъ воевода Яковъ Хитрово очистилъ Шацкую провинцію и Керенскъ. Оставалось подавить мятежъ только на сѣверо-востокѣ, гдѣ онъ снова вспыхнулъ съ новой силой, и это сдѣлали Леонтьевъ и Данила Барятинскій, очистивъ Алатырскій уѣздъ и усмиривъ Козьмодемьянскъ, Ядринъ, Курмышъ, Ветлугу и Унжу Въ концѣ января 1671 года мятежъ былъ потушенъ". (Рус. Біогр. Слов. Д. 568).

Въ 1676 г. Павелъ Петровичъ пожалованъ въ думные дворяне, въ 1688 г. въ окольничіе, за это время онъ также принималъ участіе въ различныхъ походахъ и много разъ жалованъ былъ вотчинами въ различныхъ уѣздахъ.

Въ 1693 г. Павелъ Петровичъ подалъ царямъ слѣдующее челобитье: „Служилъ я холопъ вашъ отцу вашаму Государеву блаженныя памяти великому Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу и брату вашему Государеву блаженныя памяти в. г. ц. и в. к.

Ѳеодору Алексѣевичу в. в. и м. и б. Р. с. и вамъ великимъ Государемъ всякія ваши Государскія полковыя службы лѣтнія и зимнія съ пріѣзду и до отпуску лѣтъ съ пятьдесятъ, а нынѣ, Государи, я холопъ вашъ остарѣлъ и одряхлѣлъ и отъ ранъ увѣченъ и глазами недовижу и обезножилъ. Милосердные Государи, цари и в. к. Іоаннъ Алексѣевичъ, всеа в. и м. и б. Россіи самодержцы, пожалуйте меня холопа своего за мою службишку по обѣщанію моему въ Можаескъ въ Лужецкій монастырь безовкладно постьритьца".

3 марта того же года послѣдовалъ указъ о принятіи П. П. въ монастырь, гдѣ онъ еще прожилъ до 1709 г., принявъ въ концѣ схиму съ именемъ Петра. Отъ жены Маріи Кондратьевны, ур. Озеровой (скончалась въ 1695 г. и погребена въ Лужецкомъ монастырѣ) имѣлъ дѣтей Авдѣя, Герасима, Гавріила и Наталью, бывшую замужемъ за Федоромъ Ивановичемъ Румянцевымъ.

Старшій сынъ Авдѣй род. въ 1653 г., служилъ по жилецкому списку, затѣмъ былъ стряпчимъ и въ 1676 г. пожалованъ въ стольники, участвовалъ въ походѣ 1678 г. подъ Чигиринымъ, въ 1680 г. былъ въ полку князя В. В. Голицына въ Путивлѣ, при постройкѣ въ Воронежѣ флота былъ посланъ туда для сдачи кораблей. Умеръ въ 1711 г., былъ женатъ на Можайской помѣщицѣ Меланьѣ Васильевнѣ Богдановой, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей Козьму и Григорія († 1704 г.) Помѣстья и вотчины Авдѣя Ивановича были въ уѣздахъ Можайскомъ, Верейскомъ, Кашинскомъ, Суздальскомъ, Ряжскомъ, Курмышскомъ и Владимірскомъ. Погребены вмѣстѣ съ женой въ Можайскомъ Лужецкомъ монастырѣ.

Герасимъ Павловичъ въ 1676 г. стряпчій, въ 1679 г. стольникъ, участвовалъ въ Чигиринскомъ походѣ 1678-79 г. и Крымскомъ 1689 г. Жена его Екатерина Борисовна владѣла помѣстьями въ Верейскомъ, Суздальскомъ и Арзамаскомъ у.у., въ 1697 г. она вышла вторично замужъ за Александра Алексѣевича Нестерова.

Гавріилъ Павловичъ родился послѣ 1663 г., что видно изъ того, что, будучи назначенъ на службу въ полкъ кн. Г. Г. Ромодановскаго, онъ въ январѣ 1678 г. просилъ его по малолѣтству и недостиженію 15 лѣтъ въ службу не посылать, что и было исполнено, въ 1677 г. онъ былъ пожалованъ въ стряпчіе, а въ 1681 г. въ стольники. Участвовалъ въ обоихъ Крымскихъ походахъ въ большомъ полку кн. В. В. Голицына и въ 1696 г. въ Азовскомъ походѣ ротмистромъ 15-й роты стольниковъ въ большомъ полку боярина Шеина.

Первый походъ на Азовъ былъ объявленъ въ началѣ 1695 г. 29 іюня Петръ приблизился къ Азову и 8 іюля приступилъ къ бомбардировкѣ крѣпости. Военныя дѣйствія продолжались почти три мѣсяца, но результатовъ достигнуто не было и 27 октября осада Азова была снята и царь вернулся въ Москву для того, чтобы вновь собраться съ силами. Въ ноябрѣ того же 1695 г. вновь назначенъ бояринъ А. С. Шеинъ. На этотъ разъ походъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ и 19 іюля 1696 г. „Азовскіе сидѣльцы городъ Азовъ со всѣмъ, что въ немъ было, отдали". За этотъ походъ Г. П. получилъ придачи 200 ч. въ помѣстье, 15 р. деньгами, золотой въ 2 золотыхъ и портице байбереку. Въ 1698 г. онъ былъ на Воронежѣ для наблюденія у строенія кораблей. Послѣдній разъ мы имя Г. П. встрѣчаемъ подъ 1706 г., когда онъ былъ подполковникомъ драгунскаго, князя Богдана Гагарина, полка. Помѣстья и вотчины Г. П. были въ уѣздахъ: Можайскомъ, Кашинскомъ, Каширскомъ, Муромскомъ, Ряжскомъ, Владимірскомъ, Переяславскомъ, Вологодскомъ и Московскомъ. Умеръ въ 1710 г. и погребенъ въ Лужецкомъ монастырѣ. Женатъ Г. П. былъ 2 раза, первый разъ на Наталіи Михайловнѣ (фамилія неизвѣстна) и второй разъ на княжнѣ Иринѣ Ѳеодоровнѣ Шехонской, вышедшей затѣмъ за бригадира Дмитрія Илларіоновича Порѣцкаго. Дѣтей у Г. П. было трое: Василій, Алексѣй и Дарья.

Третьимъ сыномъ Петра Ивановича былъ Тимофей. Первое упоминаніе о немъ мы имѣемъ подъ 1653 г., когда онъ служилъ по Верейскому списку, въ 1659 г. служитъ рейтаромъ въ полку Венедикта Змѣева и принимаетъ участіе въ сраженіи подъ Конотопомъ, гдѣ былъ раненъ въ ногу, послѣ чего назначенъ былъ воеводой въ Верею, въ 1667-69 г. воеводой же въ Трубчевскѣ и въ это же время (1668 г.) пожалованъ по Московскому списку, въ 1670 г. онъ полуполковникъ рейтарскаго строя и получаетъ за Трубчевскую и польскую службу, за валовое и городовое дѣло и за осадное сидѣніе рядъ денежныхъ и помѣстныхъ придачъ, а также вотчину въ Можайскомъ и Дмитровскомъ у.у., въ 1671 г. въ низовыхъ городахъ при подавленіи Разинскаго бунта, въ 1672 г. полковникъ, въ 1673-75 г. воевода въ Суздалѣ и пожалованъ въ стольники, въ это время достигаетъ крупнаго земельнаго оклада въ 1000 четей и 60 р. деньгами, въ 1676-79 г. управляетъ патріаршимъ приказомъ, въ 1678 г. пожалованъ въ думные дворяне (окладъ 250 р.), съ этого времени мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ свѣдѣній о пожалованіи Т. П. вотчинъ въ различныхъ уѣздахъ, въ 1690 г. ему совмѣстно съ братьями было пожаловано большое дворцовое село Спасское въ Владимірскомъ уѣздѣ. Въ 1689 г. Т. П. пожалованъ былъ въ окольничіе. Умеръ въ 1699 г. и погребенъ въ Лужецкомъ монастырѣ, тамъ же погребена и жена его Евфимія Дмитріевна Коноплева († 1715 г.), принесшая ему въ приданное знаменитое впослѣдствіи Бородино. У Тимофея Петровича было пятеро дѣтей: Афанасій, Тимофей, Петръ, Мавра и Марфа.

Афанасій Тимофеевичъ родился въ 1664 г., въ 1674 г. онъ уже жилецъ, въ 1676 г. стряпчій, въ 1677 г. т. е. имѣя всего 13 лѣтъ написанъ въ Государевъ полкъ съ окладомъ въ 500 ч. и 20 р. деньгами, въ 1678 г. стольникъ, девятнадцати лѣтъ отъ роду въ 1683 г. назначенъ воеводой въ Иркутскъ, участвовалъ въ обоихъ Крым-

скихъ походахъ, въ 1695-96 г. вторично воеводой въ Иркутскѣ, въ 1713-19 г. ландратъ въ Московской губерніи и кромѣ того въ 1715 г. судья дворцоваго и конюшеннаго приказовъ, въ 1719 г. былъ назначенъ товарищемъ Московскаго вице-губернатора и судьей Московскаго надворнаго суда, въ 1722 г. произведенъ въ полковники, въ 1728 г. въ статскіе совѣтники. Съ 1724 г. по кончину (1733 г.) былъ начальникомъ Московской розыскной раскольничей канцеляріи, за это время исполнялъ кромѣ того различныя порученія, такъ въ 1727 г. онъ съ кн. Одоевскимъ описывалъ Оружейную и Мастерскую палаты, казенный и конюшенный дворы, въ 1730 г. вошелъ въ составъ комиссіи по составленію Новаго Уложенія. А. Т. былъ женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Вельяминовой и имѣлъ дѣтей: Автамона, Алексѣя, Анну за княземъ А. С. Сонцовымъ-Засѣкинымъ, Мавру, бывшую замужемъ за Вас. Вас. Степановымъ, кн. Сергѣемъ Ивановичемъ Борятинскимъ и Петромъ Ѳедоровичемъ Бутурлинымъ и Флену за Михаиломъ Дмитріевичемъ Комынинымъ и Ларіоновымъ.

Тимофей Тимофеевичъ родился въ 1668 г. Началъ свою службу стольникомъ въ 1689 г., въ 1691 г. показанъ стольникомъ царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Въ 1700 г. Т. Т. опредѣленъ поручикомъ въ Московскій драгунскій полкъ, съ которымъ выступилъ къ Нарвѣ, гдѣ былъ назначенъ генеральсъ адьютантомъ къ генералу Вейде. Съ 1702 г. посланъ былъ въ Симбирскъ для сбора солдатъ и розыска бѣглыхъ прежнихъ наборовъ. Въ 1703 г. назначенъ флигель-адьютантомъ къ фельдмаршалу графу Б. П. Шереметеву, съ которымъ и участвовалъ во всѣхъ походахъ и баталіяхъ, за что въ 1709 г. былъ произведенъ въ подполковники и въ томъ же году назначенъ состоять при Сенатѣ для „доношенія по письмамъ, которые присылались въ Сенатъ изъ арміи отъ фельдмаршала“.

Въ 1721 г. Т. Т. значится у коллежскихъ дѣлъ, въ

1722 г. воеводой въ Владимірѣ. 28 февраля 1728 года изъ полковниковъ произведенъ въ статскіе совѣтники, въ 1740 г. членъ Мастерской и Оружейной палатъ, но въ томъ же году выходитъ въ отставку съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1741 г. Т. Т. былъ посланъ въ Петербургъ съ коронами и другими вещами для погребенія Императрицы Анны, въ Петербургѣ Т. Т. скончался и тѣло его перевезено было въ Можайскій Лужецкій монастырь и погребено въ родовой усыпальницѣ.

Былъ женатъ на Екатеринѣ Юрьевнѣ Скрыпицыной и имѣлъ одного сына Петра. Тимофеемъ Тимофеевичемъ выстроена церьковь въ с. Дудинѣ Можайскаго у. Петръ Тимофеевичъ родился 16 января 1672 г. Началъ службу стольникомъ царицы Прасковьи Өеодоровны. Въ 1699 г. написанъ въ драгунское ученіе, въ 1700 г. опредѣленъ поручикомъ въ Московскій драгунскій полкъ, съ которымъ участвовалъ подъ Нарвой, гдѣ назначенъ былъ адьютантомъ генерала Вейде. но послѣ взятія Вейде въ плѣнъ назначенъ адьютантомъ фельдмаршала гр. Б. П. Шереметева, съ которымъ участвовалъ во всѣхъ походахъ и баталіяхъ, въ 1708 г. произведенъ былъ въ полковники и назначенъ генеральсъ адьютантомъ того же гр. Шереметева, въ какой должности состоялъ по 1714 г. *)

Въ это же время съ 1702 по 1704 г. П. Т. былъ воеводой въ родномъ Можайскѣ. Въ 1714 г. назначенъ командиромъ Владимірскаго драгунскаго полка, въ этой должности пробылъ до 1726 г., исправляя въ это время нѣкоторыя другія обязанности, такъ въ 1714 г. значится судьей дворцоваго суда, въ 1718 г. былъ въ составѣ верховнаго суда по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, въ 1722 г. командированъ былъ въ Москву „для счету въ прреждѣ бывшей мундирной военной канцеляріи и кригсъ-коммисаріатѣ судей и дьяковъ и расходчиковъ“.

*) П. Т до конца сохранилъ добрыя отношенія съ фельдмаршаломъ, т. к. мы видимъ его въ числѣ душеприкащиковъ гр. Шереметева.

Въ 1726 г. 9 февраля произведенъ въ бригадиры и въ томъ же году Именнымъ Высочайшимъ указомъ назначенъ судьей приказа большого дворца. 24 февраля 1728 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 14 ноября 1730 г. повелѣно быть въ дворцовой канцеляріи у дѣлъ, а 10 ноября 1731 г. отосланъ въ распоряженіе правительствующаго сената.

Скончался 13 іюля 1737 г. и погребенъ въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, что на Никольской улицѣ. Былъ женатъ на Евфиміи Семеновнѣ Борзовой. Дѣтей не оставилъ. Петромъ Тимофеевичемъ была выстроена церковь въ с. Бородинѣ Можайскаго у.

Мавра Тимофеевна была замужемъ за бояриномъ, впослѣдствіи графомъ Ив. Алексѣевичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Марфа Тимофеевна въ 1684 году вышла замужъ за Ивана Ивановича Бутурлина, извѣстнаго сподвижника Петра Великаго и послѣ кончины Екатерины I была вмѣстѣ съ мужемъ нѣкоторое время заточена въ Александровскомъ Успенскомъ монастырѣ Владимірской г., тамъ они оба и погребены.

Младшій сынъ Петра Ивановича—Иванъ меньшой началъ свою службу въ Литовскомъ и Нѣмецкомъ походахъ 1654-56 г., въ 1657 г. подъ Псковомъ, въ 1659 г. въ Конотопскомъ бою онъ былъ трижды раненъ. Въ этомъ несчастномъ для русскихъ бою участвовали три сына Петра Ивановича, почему мы и скажемъ о немъ нѣсколько словъ. Борьба Москвы съ Польшею съ небольшими перерывами тянулась съ самаго начала XVII ст., съѣздъ представителей Москвы и Польши въ Вильнѣ не привелъ ни къ чему и еще осенью 1658 г., когда шли переговоры начались стычки, а затѣмъ возгорѣлась опять война и въ Литвѣ и на Украйнѣ. Въ это время удалось заключить перемиріе съ Швеціей, послѣ чего значительная часть русскихъ войскъ была двинута въ Малороссію. „Это войско, предводимое старымъ извѣст-

нымъ воеводою ближнимъ бояриномъ и (титулярнымъ) намѣстникомъ казанскимъ кн. А. Н. Трубецкимъ, въ концѣ марта 1659 года выступило изъ Путивля и вошло въ лѣвобережную Украйну; съ нимъ соединились бѣлгородскій воевода кн. Г. Г. Ромодановскій, который удачно велъ тамъ военныя дѣйствія, и вѣрные Москвѣ казаки подъ начальствомъ временнаго гетмана Ивана Безпалаго. Такимъ образомъ составилось многочисленное войско (нѣкоторыя извѣстія преувеличиваютъ его число до 100 и даже до 150 тысячъ). Но старый воевода на сей разъ оказался ниже своей задачи и дѣлалъ одну ошибку за другой. Во-первыхъ, Выговскій, поджидая Поляковъ и Татаръ, сумѣлъ нѣкоторое время задерживать его обѣщаніемъ пріѣхать лично для переговоровъ (впрочемъ, эти переговоры предписывались воеводѣ царскимъ наказомъ, который все еще выражалъ надежду на раскаяніе Выговскаго. Во-вторыхъ, онъ занялся осадою Конотопа, гдѣ заперся полковникъ Гуляницкій, котораго Выговскій назначилъ наказнымъ Сѣверскимъ гетманомъ; Трубецкой болѣе двухъ мѣсяцевъ потерялъ въ этой безуспѣшной осадѣ. Тщетно В. Б. Шереметевъ присылалъ съ просьбою оставить часть войскъ подъ Конотопомъ, а съ главными силами спѣшить къ Кіеву или къ Переяславу, чтобы вмѣстѣ съ нимъ встрѣтить непріятелей на днѣпровской переправѣ или разбить Выговскаго до прихода Крымской орды.

Выговскій успѣлъ собрать большія силы изъ казаковъ, Поляковъ, наемныхъ Нѣмцевъ, Сербовъ и Волоховъ; а главное на помощь къ нему пришелъ самъ ханъ Мухамедъ-Гирей съ 30000 крымскихъ, нагайскихъ и буджакскихъ Татаръ. Князь Трубецкой стоялъ такъ оплошно, что допустилъ Выговскаго незамѣтно подойти и на разсвѣтѣ 27-го іюня внезапно съ казаками ударить на русскія укрѣпленныя линіи. Побивъ много людей, Выговскій затѣмъ отступилъ. Недальновидный Трубецкой, думая, что передъ нимъ все непріятельское войско двинулъ

за отступавшимъ конницу подъ начальствомъ двухъ князей, Семена Романовича Пожарскаго и Сем. Петр. Львова. Эти князья увлеклись преслѣдованіемъ и попали въ ловушку. Нѣкоторые взятые языки сообщали о близко находившейся ордѣ; но князь Пожарскій, ничему не внимая, рвался впередъ и похвалялся вырубить и поплѣнить хана съ его ордою. На слѣдующій день, 28-го іюня, онъ въ семи верстахъ отъ Конотопа переправился за рѣчку Сосновку; тутъ вдругъ появились татарскія полчища и окружили его заодно съ казаками. Послѣ отчаянной обороны Русскіе были подавлены числомъ и побиты; тысячъ пять взяты въ плѣнъ, да и тѣхъ потомъ рѣзали какъ барановъ. Неукротимому и бранчивому князю Пожарскому ханъ велѣлъ отрубить голову; Львовъ вскорѣ умеръ въ плѣну. Такъ погибъ цвѣтъ московскаго воинства отъ нераспорядительности и оплошности князя Трубецкого. Послѣ того Выговскій съ ханомъ напали на главное русское войско, которое отступало отъ Конотопа, оградясь таборомъ. Тщетно казаки и татары напирали на таборъ и старались его разорвать; они были постоянно отбиваемы сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Непріятель преслѣдовалъ русское войско до тѣхъ поръ, пока оно перебралось за р. Сеймъ и закрылось болотами; тогда Выговскій и ханъ воротились назадъ, а Трубецкой ушелъ въ Путивль". (Иловайскій. Исторія Россіи. V, 211-212).

Въ 1660 г. Иванъ Петровичъ участвуетъ въ бою подъ с. Губаревымъ (т. н. Сапѣгинъ бой 24-26 сентября), 1664 и 1665 годы онъ пробылъ опять въ Малороссіи и въ 1665 г. былъ воеводой въ Усердѣ (нынѣ Воронежск. г.), въ 1671 г. участвуетъ въ усмиреніи Разинскаго бунта, въ 1675 г. будучи рейтарскимъ полковникомъ пожалованъ въ стольники, въ 1676-79 г. воеводствуетъ въ Туруханскѣ, въ 1687 г. принимаетъ участіе въ Крымскомъ походѣ. Въ 1686 г. былъ заключенъ вѣчный миръ съ Польшею, по которому Россія получила Кіевъ, но обя-

зана была двинуть свои силы противъ Крымскаго хана, къ чему и было приступлено въ томъ же году, уже въ октябрѣ было объявлено, чтобы стольники, дворяне, жильцы и ратные люди „строились къ государевой службѣ“, а въ концѣ февраля 1687 г. войска выступили въ походъ подъ главнымъ начальствомъ кназя Вас. Вас. Голицына. Походъ окончился неудачно, но войскамъ пришлось претерпѣть очень много. Около половины іюня перешли Конскія Воды, на томъ берегу ихъ ожидали черныя тучи дыма отъ зажженной степи, пожаръ охватилъ огромное пространство, люди и лошади задыхались отъ смрада, первые болѣли, а лошади начали падать отъ безкормицы. Голицыну пришлось возвратиться безъ боя, но побѣжденнымъ. Второй походъ состоялся въ 1689 г. и выступили еще по зимнему пути. Съ большими трудностями армія наша дошла до Перекопа, но дальше Голицынъ идти не рѣшился и вступилъ въ переговоры съ ханомъ, а затѣмъ началъ отступленіе къ Днѣпру, которое до извѣстной степени напомнило первый походъ, опять начались степные пожары, отсутствіе воды, но въ общемъ Голицынъ сравнительно благополучно достигъ Запорожской сѣчи, а въ концѣ іюня распустилъ войска и вернулся въ Москву.

Въ этихъ неудачныхъ походахъ кромѣ Ивана Петровича участвовали Герасимъ Павловичъ, Гавріилъ Павловичъ, Афанасій Тимофеевичъ и Богданъ Яковлевичъ, всѣ они получили денежныя и помѣстныя придачи, а за второй походъ кромѣ того и вотчины.

Въ 1688 г. Ив. Петровичъ пожалованъ былъ въ думу, въ 1692 г. воеводствовалъ въ Нѣжинѣ, въ январѣ 1697 г. ему было поручено расписать лѣса по Воронежу. Петръ Великій, потерпѣвъ неудачу подъ Азовомъ, рѣшилъ, раньше чѣмъ вновь идти на Азовъ, создать флотъ, безъ котораго, конечно, трудно было ожидать успѣха. Но для созданія необходимы были средства, для чего былъ учрежденъ особый сборъ съ помѣщиковъ и возло-

жена обязанность строить корабли съ извѣстнаго числа крестьянскихъ домовъ, для чего вотчинники и помѣщики соединились въ особыя артели, которыя и назывались „кумпанствами", но на эти кумпанства возлагались только расходы по постройкѣ, а самый лѣсной матеріалъ доставлялся правительствомъ, которое для этой цѣли отчуждало лѣса и предоставляло кумпанствамъ особые лѣсные участки, но для этого необходимо было произвести осмотръ и описи лѣсовъ, вотъ подобная то работа на р. Воронежѣ и была возложена на И. П. На Вонежѣ И. П. пробылъ до сентября, за это время имъ были описаны и отведены для кумпанствъ лѣса въ уѣздахъ Воронежскомъ, Бѣлоколодскомъ, Романовскомъ, Сокольскомъ, Добренскомъ и Козловскомъ. Все это было выполнено вполнѣ успѣшно и И. П. получилъ „Великаго Государя грамоту съ милостивымъ словомъ и похвалою". (Ист. Рус. флота. Періодъ Азовскій. Прил. II). Кромѣ И. П. ближайшее участіе въ судостроительствѣ принялъ его племянникъ Гаврила Пааловичъ, которому осенью того же 1697 г. было поручено наблюдать за постройкою кораблей, эти обязанности онъ несъ еще въ 1700 г.

Это порученіе было послѣднимъ, уже въ слѣдующемъ 1698 г. Ив. П. послѣдовалъ примѣру двухъ своихъ братьевъ, удалился отъ міра и принялъ иночество въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ съ именемъ Іоакима, впослѣдствіи былъ іеромонахомъ. Годъ кончины его неизвѣстенъ.

Отъ жены Пелагеи Купреяновны († 1697 г.) имѣлъ сына Антона и дочь Марію, вышедшую въ 1691 г. замужъ за стольника Леонтія Михайловича Глѣбова.

Антонъ Ивановичъ родился въ 1663 г., въ 1675 г. изъ жильцовъ пожалованъ былъ въ стряпчіе, въ 1682 г. въ стольники, 1693-94 г. воевода въ Даурѣ Нерчинской, въ 1695 г. въ Иркутскѣ, въ 1700 г. въ Нерчинскѣ, но здѣсь воеводство его окончилось печально, весною 1701 г. онъ былъ сосланъ въ Якутскъ въ казачью службу. Мы

не знаемъ сколько времени продолжалась эта ссылка, вновь мы его встрѣчаемъ лишь въ 1710 г., когда онъ былъ посланъ во Владимiръ для сбора рекрутъ, въ 1711 г. А. И. былъ ротмистромъ 8-й роты стольниковъ въ полку кн. М. Г. Ромодановскаго въ Бѣлгородѣ, въ 1716 г. комендантомъ въ Кайгородѣ. Былъ участникомъ всепьянѣйшаго Собора и носилъ санъ архiерея. Умеръ въ 1732 г. Отъ брака съ Анисьею Васильевною Бухвостовой имѣлъ дочь Прасковью бывшую дважды замужемъ, первый разъ за Андреемъ Ивановичемъ Хитрово и второй разъ за кн. Ив. Ив. Егуповымъ-Черкасскимъ. На этихъ лицахъ мы кончимъ съ потомствомъ Ивана Гневашевича и перейдемъ къ потомству Посника Гневашевича, получившаго помѣстья въ Ростовскомъ уѣздѣ.

У Посника мы знаемъ одного сына Петра, владѣвшаго въ 1589 г. д. Глухаревымъ починкомъ съ пустошами, умеръ онъ, вѣроятно, около 1627 г., когда произошелъ раздѣлъ его помѣстiй между его тремя сыновьями Прокофiемъ, Михеемъ (произвище Воинъ) и Иваномъ. Перваго изъ нихъ мы встрѣчаемъ подъ 1596 г., когда онъ былъ верстанъ новичнымъ окладомъ по Ростовскому уѣзду. Воинъ и Иванъ служили по Ростовскому городовому списку, второй изъ нихъ былъ рейтаромъ и участвовалъ въ войнѣ съ Польшею 1631-34 г. и былъ подъ Смоленскомъ.

Послѣ заключенiя Деулинскаго перемирiя въ 1618 г. отношенiя съ Польшею были очень натянуты и уже въ октябрѣ 1621 г. на земскомъ соборѣ былъ поднятъ вопросъ о необходимости войны за польскiя неправды, но несмотря на то, что всѣ чины государства заявили, „чтобы они, государи, за святыя Божiи церкви, за свою государскую честь и свое государство противъ своего исконнаго недруга стояли крѣпко, сколько имъ милосердный Богъ помочи подастъ“ и что служилые люди „рады биться нещадя головъ своихъ“, перемирiе дотянули до 1632 года.

Главное начальство надъ войскомъ было поручено боярину М. Б. Шеину. Въ октябрѣ 1632 г. наши войска заняли Серпейскъ, затѣмъ взяты Дорогобужъ, Бѣлая, Новгородъ-Сѣверскій, Невель, Рославль, Стародубъ, Почепъ, Себежъ, Сурожъ, Трубчевскъ. Около половины декабря Шеинъ подошелъ къ Смоленску, имѣя въ своемъ распоряженіи около 30 тысячъ человѣкъ, въ концѣ января 1633 г. къ нему пошли подкрѣпленія и 10 февраля Шеинъ донесъ, что Смоленскъ осажденъ. Въ августѣ подъ Смоленскъ прибылъ король Владиславъ, что имѣло огромное вліяніе на положеніе дѣла, бездѣйствовавшій Шеинъ вынужденъ былъ то и дѣло принимать сраженія, но въ общемъ продолжалъ бездѣйствовать, что, конечно, дѣйствовало на армію, состояніе которой было крайне угнетенное и появилась масса дезертировъ. Осаду пришлось снять, а вмѣсто этого армія Шеина оказалась сама въ осадѣ, пока 16 февраля 1634 г. не капитулировала. Кромѣ полной дезорганизаціи въ арміи, на такой печальный конецъ имѣло огромное вліяніе — это отсутсвіе провіанта и масса заболѣваній. Въ февралѣ 1634 г. армія двинулась обратно въ Москву, выступило изъ подъ Смоленска всего 8000 человѣкъ, кромѣ того было оставлено болѣе 2000 больныхъ, такъ растаяла армія Шеина, имѣвшая при началѣ осады до 40 тысячъ.

Въ этомъ походѣ участвовалъ „отъ приходу до отходу безъ съѣзду“ Иванъ Петровичъ, возможно, что участвовалъ въ немъ и его старшій братъ Михей-Воинъ и они оба терпѣли по словамъ Ив. П. „всякую нужю и голодъ“. Въ 1636 г. Ив. П. былъ убитъ своими крестьянами. *)

У Прокофія Петровича показано 2 сына: Яковъ и Богданъ, второго мы знаемъ только изъ росписи. Яковъ Прокофьевичъ въ 1628 г. показанъ служащимъ по Ростову, въ 1634 г. участвуетъ въ походѣ подъ Смоленскомъ,

*) Не было ли у нихъ сестры за Насономъ Вавиловичемъ Алтуфьевымъ. (См. М. А. М. Ю. Ростовъ, столбцы Пом. Пр. окл., № 23, 0 31).

въ 1640 г. будучи стрѣлецкимъ сотникомъ, былъ на службѣ въ Яблоновѣ у валоваго дѣла, въ 1651 г. мы его встрѣчаемъ въ Москвѣ, когда онъ былъ приставомъ при литовскомъ гонцѣ. Владѣлъ Я. П. помѣстьями въ Боровскомъ, въ Галичскомъ, Ярославскомъ, Московскомъ и Ростовскомъ у.у. Женатъ былъ съ 1653 г. на вдовѣ Семена Малыгина, Капитолинѣ Владиміровнѣ, ур. Ярцовой и имѣлъ одного сына Мефодія, имѣвшаго прозвище Богданъ, который началъ службу въ 1672 г. по жилецкому списку, 1675 г. былъ подрындою у саадака царевича, въ 1676 г. стряпчій, въ Путивлѣ, въ полку кн. В. В. Голицына, въ слѣдующемъ году въ Государевомъ полку, въ 1678-79 г. участвуетъ въ Чигиринскомъ походѣ, въ 1684 г. за Чигиринскую службу получилъ вотчину въ Алексинскомъ уѣздѣ, въ томъ же году былъ пожалованъ въ стольники, участвовалъ въ обоихъ Крымскихъ походахъ въ большомъ полку кн. В. В. Голицына, во время великой Сѣверной войны командовалъ драгунскимъ полкомъ, съ которымъ повидимому участвовалъ въ Полтавской Баталіи. Въ 1697 г. былъ воеводой въ Ливнахъ. Умеръ послѣ 1719 г. и погребенъ въ с. Сертякинѣ Московскаго у.

Отъ неизвѣстной намъ по имени жены имѣлъ дѣтей Петра (будущаго епископа Вологодскаго Пимена), Михаила, Алексѣя, Филиппа, Анисью за Сухотинымъ и Марію, бывшую три раза замужемъ, за Л. И. Соковнинымъ, А. К. Михневымъ и за Васильчиковымъ.

У второго сына Петра Посниковича, Михея Воина, было два сына Иванъ и Никита.

Ивану Воиновичу повидимому пришлось воевать всю жизнь, онъ участвуетъ начиная съ 1654 г. въ польскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ походахъ, былъ подъ Ригою, Могилевымъ, въ Малороссіи. Въ 1669 г. ему была пожалована вотчина въ Московскомъ, Коломенскомъ и Перемышльскомъ уѣздахъ. Въ 1672 г. велѣно служить сотенную службу въ Бѣлгородѣ, но болѣзнь заставила его

отказаться отъ этого и онъ былъ написанъ по Ростову и вскорѣ, въ 1674 г., умеръ бездѣтнымъ. Братъ его Никита былъ убитъ на государевой службѣ въ нѣмецкихъ городахъ.

У Ивана Петровича отъ Маріи Клементьевны Сукиной былъ одинъ сынъ Степанъ, оставшійся послѣ отца 12 лѣтъ. Въ началѣ онъ несъ службу на Крапивнѣ, Тулѣ, въ Карповѣ, въ сторожевыхъ и береговыхъ службахъ, въ 1654 г. онъ уже служитъ по выборному списку по Ростову и принимаетъ участіе въ Литовскомъ походѣ подъ Смоленскомъ и Нѣмецкомъ подъ Ригою, въ 1657 г. подъ Псковомъ. Въ 1660 г. онъ выступаетъ въ походъ въ Малороссію въ полку боярина Шереметева. Т. к. въ этой войнѣ участвовалъ цѣлый рядъ Савеловыхъ, то мы приведемъ здѣсь описаніе военныхъ дѣйствій на обоихъ театрахъ войны Бѣлорусскомъ и Малорусскомъ (Иловайскій. Исторія Россіи, т. V, 216). „Въ началѣ 1660 года военныя дѣйствія въ Бѣлоруссіи съ нашей стороны были удачны. Князь Иванъ Андреевичъ Хованскій разбилъ польскіе отряды, предводимые Полубенскимъ, Огинскимъ и др.; затѣмъ взялъ и сжегъ Брестъ-Литовскій. Но Московское правительство все еще вѣрило въ возможность заключить прочный миръ, которымъ манили его Поляки. Для переговоровъ вновь было снаряжено то же посольство, т.-е., кн. Н. И. Одоевскій, П. В. Шереметевъ и кн. Ѳ. Ѳ. Волконскій съ думнымъ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ и большою свитою. На сей разъ условлено было съѣхаться съ польскими комиссарами на р. Березинѣ въ тогдашнемъ пограничномъ городѣ Борисовѣ, куда въ началѣ апрѣля и прибылъ Одоевскій съ товарищи. Здѣсь къ московскому посольству, согласно послѣднимъ переяславскимъ статьямъ, присоединились уполномоченные отъ войска Запорожскаго полковники В. Золотаренко и Ѳ. Коробка съ полсотней казаковъ. Но вновь и тщетно наше посольство ожидало польскихъ комиссаровъ. Они ограничились тѣмъ, что завели без-

плодную переписку о казацкихъ уполномоченныхъ, не признавая ихъ царскими подданными и отвергая ихъ участіе въ переговорахъ. Въ дѣйствительности Поляки и теперь старались только выиграть время, пока происходили ихъ мирные переговоры со Шведами. Эти переговоры, начатые въ Данцигѣ, прекратились было вслѣдствіе кончины Карла X; однако, вскорѣ они возобновились близъ Данцига въ Оливѣ, при дѣятельномъ посредствѣ французскаго посла Деломбра. 23-го апрѣля здѣсь состоялся наконецъ мирный трактатъ, по которому Западная Двина признана границею шведскихъ и польскихъ владѣній, а Янъ Казиміръ отказался отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на Шведскую корону. Поляки теперь имѣли развязанныя руки и всѣ силы свои могли обратить противъ Москвы. Естественно, вмѣсто мирныхъ переговоровъ они тотчасъ двинули свои закаленные въ Шведской войнѣ отряды изъ ливонскихъ и прусскихъ областей на подкрѣпленіе тѣмъ, которые дѣйствовали въ Бѣлоруссіи и на Украйнѣ.

Князь Хованскій съ довольно значительными силами въ это время осаждалъ Ляховичи. Узнавъ о приближеніи гораздо меньшаго числомъ польскаго войска подъ начальствомъ гетмана Сапѣги и Чарнецкаго, онъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу, и 18-го іюня сразился у мѣстечка Полоннаго; но, вслѣдствіе превосходства непріятельской конницы, потерпѣлъ сильное пораженіе, потерялъ весь обозъ и артиллерію и съ остаткомъ своей рати ушелъ къ Минску; товарищъ его князь Щербатовъ со многими второстепенными начальниками попался въ плѣнъ. Московское посольство послѣ того поспѣшно уѣхало изъ Борисова. Польскіе вожди, продолжая наступленіе, въ 20-хъ числахъ сентября напали на князя Ю. А. Долгорукаго (побѣдителя Гонсѣвскаго), въ 30 верстахъ отъ Могилева. Долгорукій храбро и успѣшно выдерживалъ цѣлый рядъ битвъ. 10-го октября, однако, конница его была разбита непріятельскими гусарами и пятигорцами,

а пѣхота принуждена запереться въ укрѣпленномъ лагерѣ. Непріятели заняли окрестности и прекратили Русскимъ подвозъ припасовъ. Князь Хованскій двинулся въ тылъ Полякамъ и отвелъ на себя Сапѣгу и Чернецкаго. Онъ даже побилъ ихъ передовой отрядъ съ Кмитичемъ на берегахъ Друча. Чарнецкій вплавь переправился черезъ Другь и ударилъ на Хованскаго. Послѣдній вновь потерпѣлъ пораженіе и ушелъ въ Полоцкъ. Межъ тѣмъ Долгорукій отступилъ къ Могилеву, а брата своего Петра направилъ къ Шклову; но тотъ около сего города былъ настигнутъ и побитъ непріятелемъ.

Еще болѣе крупными событіями отразился Оливскій миръ на Украйнѣ. Перевѣсъ въ силахъ, бывшій первые мѣсяцы 1660 года на русской сторонѣ, вскорѣ перешелъ на сторону Поляковъ, когда къ нимъ подоспѣли полки съ сѣвера. Въ Москвѣ по мысли самого царя рѣшили вести войну наступательную, т.-е. не ожидать непріятельскаго вторженія въ Украйну, а самимъ идти въ Польшу и подписать миръ въ Варшавѣ, Краковѣ или Львовѣ. Поэтому главному тамъ воеводѣ В. Б. Шереметеву посланы значительныя подкрѣпленія. А чтобы отвлечь хана отъ соединенія съ Поляками, предположено двинуть на Крымцевъ не только Донскихъ казаковъ, но и Калмыковъ, часть которыхъ около того времени добровольно просила Московскаго царя принять ихъ подъ свою высокую руку. На Украйнѣ сравнительно небольшая московская рать должна была опираться на массу войска Запорожскаго и вмѣстѣ съ нимъ идти на Поляковъ. Но тутъ-то и оказалось, что она опиралась не на каменную стѣну. Такое ничтожество какъ Юрій Хмѣльницкій, естественно, не устоялъ противъ интригъ ловкихъ польскихъ агентовъ, и прежде всего извѣстнаго намъ Беневскаго, который усердно смущалъ его съ одной стороны всякими бѣдствіями, грозившими ему лично и всей Украйнѣ отъ московскаго деспотизма, а съ другой—всѣми благодѣяніями, ожидавшими его отъ короля

и Рѣчи Посполитой. Внушенія эти падали на благоларную почву; ибо Юрій уже обращался въ Москву чрезъ своихъ посланцевъ (Одинца и Дорошенка) съ разными просьбами; но на нихъ часто отвѣчали отказомъ; таковы, напримѣръ, просьбы отмѣнить пребываніе московскихъ воеводъ въ малороссійскихъ городахъ, кромѣ Кіева и Переяслава, возвратить гетману и войсковымъ судьямъ право казнить за преступленіе какъ чернь, такъ и самую старшину, простить и воротить въ прежнее достоинство Данилу Выговскаго, Ивашку Нечая, Лѣсницкаго, Гуляницкаго и пр. Юрій не зналъ того, что его зять Данила Выговскій уже умеръ въ московскомъ плѣну, повидимому, не вынесши жестокихъ пытокъ; а другого его зятя Ив. Нечая не хотѣли освободить изъ московскаго плѣна, какъ явнаго царскаго измѣнника, передавшагося Полякамъ и причинившаго много зла. Жены этихъ двухъ лицъ, т.-е. родныя сестры Юрія, конечно, своими жалобами не мало усиливали его раздраженіе противъ Москвы, московскіе недоброхоты, разумѣется, не замедлили передать Юрію, презрительный о немъ отзывъ кіевскаго воеводы Шереметева. Самымъ вліятельнымъ лицомъ при гетманѣ и распорядителемъ въ войскѣ тогда былъ генеральный эсаулъ Иванъ Ковалевскій, уже втайнѣ увлеченный Беневскимъ на польскую сторону. Не умѣло Московское правительство привязать къ себѣ и энергичнаго переяславскаго полковника Тимоѳея Цецуру, который въ предстоявшемъ походѣ долженъ былъ участвовать въ качествѣ наказного гетмана: Цецура билъ челомъ объ отдачѣ ему тѣхъ маетностей (Кричева и Чичерека), которыя были отобраны у измѣнника Ивашки Нечая; но ему было въ томъ отказано, тогда какъ его товарищи и сотрудники по возвращенію Украйны въ московское подданство, нѣжинскій полковникъ В. Золотаренко и протопопъ Максимъ, были награждены маетностями, причемъ Золотаренкѣ данъ Гомель.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что коронный гетманъ

Станиславъ Потоцкій уже стоитъ подъ Межибожемъ (на Верхнемъ Бугѣ) и готовится идти на Украйну, въ Васильковѣ 7-го іюля, въ присутствіи Шереметева, собралась рада, на которой сдѣланъ былъ распорядокъ казацкимъ полкамъ. Одна часть ихъ подъ начальствомъ самого гетмана должна была вмѣстѣ съ Кіевскимъ воеводой идти на Поляковъ, именно на Львовъ, а другая сторожить Украйну со стороны Крыма. Положили, что Шереметевъ и Хмѣльницкій не медля выступятъ разными дорогами и соединятся въ Слободищахъ. Но полковники вяло собирались въ назначенные пункты; Шереметевъ и его товарищъ окольничій князь Щербатовъ только послѣ Спаса, т.-е. 6 августа, выступили изъ Кіева съ своею ратью и съ тремя черкасскими полками, Переяславскимъ, Миргородскимъ и Кіевскимъ; послѣдними двумя начальствовали полковники П. Апостолъ и В. Дворецкій, люди преданные Москвѣ. На походѣ къ этой рати присоединились еще три черкасскихъ полка и стольникъ князь Козловскій, пришедшій съ своимъ отрядомъ изъ Умани. Подъ Котельною Шереметевъ произвелъ смотръ своему войску. Оно имѣло бодрый, стройный видъ, прекрасное вооруженіе и состояло изъ многихъ сотенъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, одѣтыхъ въ панцыри и сидѣвшихъ на хорошихъ коняхъ, изъ пѣшихъ солдатскихъ и стрѣлецкихъ, конныхъ драгунскихъ и рейтарскихъ полковъ, хорошо обученныхъ, съ нѣкоторыми начальниками изъ иноземцевъ, каковы фанъ-Стаденъ, Крафортъ, Яндеръ, фанъ-Ховенъ и др. Всей боевой московской рати (т.-е. кромѣ обозныхъ) тутъ было до 15000 человѣкъ. Шесть казацкихъ полковъ подъ общимъ начальствомъ наказного гетмана Цецуры заключало въ себѣ до 20000; въ сравненіи съ московскимъ войскомъ они представляли безпорядочную толпу. Во главѣ всего войска стоялъ опытный, мужественный воевода В. Б. Шереметевъ, котораго царь Алексѣй Михайловичъ очень цѣнилъ, несмотря на неоднократныя прось-

бы, не хотѣлъ отпустить его изъ Украйны, писалъ ему ласковыя письма и называлъ его „добронадежнымъ архистратигомъ“. Къ сожалѣнію, онъ былъ излишне гордъ и самоувѣренъ, и позволялъ себѣ разныя похвальбы на счетъ Поляковъ и ихъ короля. Онъ недостаточно заботился о развѣдочной части, предпринимая движеніе противъ сильнаго, искуснаго въ интригахъ непріятеля. Душою сихъ интригъ былъ столь опытный въ нихъ злой геній своей родины, измѣнникъ Иванъ Выговскій. Онъ разсылалъ многочисленныхъ лазутчиковъ, которые вывѣдывали все, что дѣлалось на Украйнѣ, слѣдили за всѣми движеніями Шереметева, и въ то же время распускали тамъ ложные слухи о польскихъ войскахъ, уменьшая ихъ число; а казаковъ смущали всѣми способами, убѣждая ихъ покинуть Московское подданство и вернуться подъ Польское. Онъ уже усердно хлопоталъ о союзѣ Поляковъ съ Татарами, ведя переписку съ ханомъ Мухамедъ-Гиреемъ и съ его приближенными.

Подъ Межибожемъ собралось отборное коронное войско числомъ до 30000 человѣкъ, подъ начальствомъ обоихъ коронныхъ гетмановъ, Потоцкаго и Любомірскаго. На помощь ему пришли 40000 Татаръ съ нурадинъ-султаномъ, но пришли только въ концѣ августа. Слѣдовательно, Шереметевъ пропустилъ время напасть на Поляковъ до прихода Татаръ. Да и теперь, введенный въ заблужденіе ложными извѣстіями, онъ не зналъ еще, что коронные гетманы соединились; а силы ихъ полагалъ втрое менѣе числомъ противъ дѣйствительности; о Татарахъ же думалъ, что они и совсѣмъ не придутъ, опасаясь нападенія на нихъ казаковъ. Межъ тѣмъ Юрій Хмѣльницкій съ главнымъ казацкимъ войскомъ даже и близко не появлялся къ условленному для соединенія пункту, т.-е. къ Слободищамъ; а въ то же время своими коварными листами усердно побуждалъ Шереметева идти впередъ и немедля напасть на Ляховъ. Уже начались встрѣчи передовыхъ разъѣздовъ, и отъ плѣн-

ныхъ узнали о близости соединенныхъ войскъ польскихъ и татарскихъ. Шереметевъ собралъ военный совѣтъ. Цецура высказался уклончиво. Умный князь Козловскій совѣтовалъ не идти дальше, не зная въ точности силы непріятеля и не имѣя увѣренности въ казакахъ, которые легко переходятъ то на ту, то на другую сторону и вѣроломно нарушаютъ присягу. Но упрямый Шереметевъ, поддержанный на совѣтѣ княземъ Щербатовымъ, рѣшилъ продолжать наступленіе, и 25-го августа отъ Котельны двинулся къ Межибожу. Туда же велѣно было идти стоявшимъ у города Бара четверымъ полковникамъ, Уманскому, Браславскому, Подольскому и Кальницкому. Но соединенное польско-татарское войско въ это время уже само двигалось въ боевомъ порядкѣ навстрѣчу царской рати. Первая схватка въ открытомъ полѣ произошла у мѣстечка Любара, 4-го сентября. Упорный бой продолжался до ночи. Проливные дожди сдѣлали распутицу. Русскіе на другой день огородились обозомъ и стали окапываться подъ выстрѣлами непріятеля; въ ночь они успѣли окружить себя валомъ, такъ что потомъ всѣ отчаянные приступы непріятеля были отбиты. По временамъ Шереметевъ выступалъ изъ окоповъ и давалъ кровопролитныя битвы въ открытомъ полѣ и снова уходилъ въ свое укрѣпленіе. Польскія войска также укрѣпились валомъ и рвомъ; а Татары рыскали по окрестностямъ и отрѣзывали Русскимъ всѣ сообщенія.

Тщетно Кіевскій воевода ждалъ къ себѣ на помощь Юрія Хмѣльницкаго съ казачьими полками; дни проходили за днями, а онъ не являлся. Въ это время польскіе подметные листы проникали въ лагерь Цецуры и убѣждали казаковъ отстать отъ Москвы, обѣщая всевозможныя королевскія милости. Они производили впечатлѣніе, и многіе казаки тайкомъ перебѣгали въ польскій лагерь.

Въ виду начавшагося волненія въ своемъ войскѣ, крайняго недостатка въ конскихъ кормахъ и грозившаго истощенія съѣстныхъ припасовъ, Шереметевъ рѣшилъ

начать отступленіе, которое онъ устроилъ согласно съ правилами военнаго искусства тогдашняго времени и съ своею боевой опытностью. 16-го сентября, на разсвѣтѣ, подъ проливнымъ дождемъ русское войско вышло изъ окоповъ, устроенное въ подвижной таборъ; оно направилось на мѣстечко Чудново, двигаясь между 17 рядами телѣгъ, которыя были связаны другъ съ другомъ; таборъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, а особенно по угламъ былъ защищенъ множествомъ легкихъ орудій; тяжелыя орудія везли посрединѣ, гдѣ находились и войсковые запасы. Онъ представлялъ видъ движущейся крѣпости. Впереди его шелъ отрядъ рабочихъ, который энергично прорубалъ просѣку сквозь стоявшій на пути лѣсъ. Польское войско немедленно устремилось за отступавшимъ таборомъ, обошло его и произвело бѣшенную атаку съ фронта; но не могло разорвать его и съ большими потерями было отбито. Такимъ образомъ, Русскіе прошли семь верстъ; оставалось еще 5 до Чуднова, когда встрѣтилось болотистое мѣсто, которое задержало движеніе; съ помощью рабочаго отряда, однако, устроена была переправа и началось прохожденіе сего мѣста. Но тутъ къ Полякамъ подоспѣлъ генералъ Вольфъ съ артиллеріей и восемью тысячами отборной пѣхоты. Благодаря такому подкрѣпленію, Поляки снова и со всѣхъ сторонъ ударили на таборъ при означенной переправѣ; имъ удалось оторвать и забрать цѣлую его треть, при чемъ они захватили много съѣстныхъ припасовъ и также богатую добычу въ видѣ золотой и серебряной утвари, дорогихъ мѣховъ, жемчугу, которымъ унизываютъ Москвитяне свою одежду и т. п. Шереметевъ сомкнулъ оставшійся таборъ и продолжалъ движеніе, выдерживая новыя, отчаянныя нападенія непріятеля; 17-го сентября рано по утру съ своей изнеможенной, голодной ратью вступилъ въ Чудновъ и занялъ неудобную для обороны позицію на берегу р. Тетерева. На несчастіе онъ не поспѣшилъ во-время занять стоявшій на горѣ Чуднов-

скій замокъ, и непріятель успѣлъ его захватить; Шереметевъ выжегъ городъ; а Поляки окружили расположенный въ болотѣ русскій лагерь со всѣхъ сторонъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла, подѣлали городки шанцы и начали осыпать наше войско ядрами и гранатами. Отчаянной вылазкой Шереметевъ заставилъ непріятеля отодвинуть свой лагерь и дать болѣе простору Русскимъ; при этомъ они успѣли разыскать ямы, въ которыхъ мѣстное населеніе хоронило свой хлѣбъ.

27-го сентября столь долго ожидаемый Юрій Хмѣльницкій пришелъ, наконецъ, въ мѣстечко Слободищи, отстоявшее на 15 верстъ отъ русскаго войска. Но вмѣсто того, чтобы поспѣшить ему на помощь, этотъ жалкій гетманъ спокойно расположился станомъ, и, окруженный коварными совѣтниками, пріятелями семьи Выговскаго, вошелъ въ тайные переговоры съ польскими начальниками; а Шереметеву далъ знать, будто сильный польско-татарскій отрядъ загородилъ ему дорогу и мѣшаетъ ихъ соединенію. Бѣдственное положеніе русскаго войска достигло крайней степени: постоянно падавшія отъ безкормицы лошади распространяли въ лагерѣ страшное зловоніе; а люди уже страдали отъ голода. Шереметевъ принялъ отчаянное рѣшеніе снова идти таборомъ и пробиться въ Слободищи на соединеніе съ гетманомъ. Какая-то слѣпота мѣшала ему видѣть истину; онъ все еще не догадывался объ измѣнѣ Хмѣльницкаго. 4-го октября Русскіе двинулись. Но отъ казаковъ перебѣжчиковъ польскіе воеводы уже знали о предстоявшемъ движеніи; заранѣе разставили свои войска на пути, который въ удобномъ мѣстѣ преградили рвами и пушками. Началась новая отчаянная атака непріятелей и львиная оборона оставшейся части русскихъ ратныхъ людей. Послѣдніе были сбиты съ дороги къ лѣсу и тамъ окружены всѣми силами польскими и татарскими; уже Татары ворвались въ средину обоза. Но тутъ они наткнулись на Шереметевскія телѣги, нагруженныя червонцами,

серебряной посудой, мѣхами, дорогимъ платьемъ, и занялись дѣлежомъ добычи. Этимъ моментомъ воспользовался русскій воевода, и такъ какъ отъ постоянной стрѣльбы порохъ истощился, то русскіе ратники ударили въ топоры и рогатины и отчаяннымъ рукопашнымъ боемъ снова отбили непріятеля. А въ наступившую ночь они уже вновь огородились телѣгами и окопались валомъ. Сами непріятели отдавали справедливость и даже приходили въ удивленіе передъ такою стойкостію царскаго войска. Юрій Хмѣльницкій какъ только узналъ о безвыходномъ положеніи Шереметева, покончилъ свои измѣннические переговоры съ Поляками; 7-го октября, по требованію польскихъ гетмановъ, онъ со своей старшиной пріѣхалъ въ ихъ лагерь, а 8-го подписалъ сочиненный ими договоръ, по которому со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ вновь возвращался въ подданство королю и Рѣчи Посполитой. Извѣстіе объ измѣнѣ Хмѣльницкаго произвело удручающее впечатлѣніе въ лагерѣ Шереметева, который въ своей упорной слѣпотѣ все еще надѣялся на его помощь.

Теперь польскіе начальники постарались отдѣлить Цецуру съ казаками отъ московскихъ людей; въ чемъ имъ помогъ Хмѣльницкій: онъ увѣдомилъ полковника о заключенномъ съ Поляками договорѣ и приглашалъ послѣдовать своему примѣру. Цецура не сталъ спорить и въ условленный день съ своими восемью тысячами казаковъ устремился въ польскій лагерь. При этомъ непредвидѣнный случай наказалъ измѣнниковъ: непредувѣдомленные объ ихъ измѣнѣ, Татары со всѣхъ сторонъ напали на нихъ и успѣли изрубить нѣсколько сотъ и взять въ плѣнъ болѣе тысячи, пока Поляки подоспѣли на выручку. Однако, во время этого кроваваго недоразумѣнія одна часть казаковъ бросилась назадъ въ русскій лагерь, а другая ушла домой, такъ что съ Цецурой перешло въ польскій лагерь не болѣе 2000. Полковники Кіевскій, Миргородскій и Прилуцкій съ частью

своихъ казаковъ не приняли участія въ измѣнѣ и продолжали находиться при Шереметевѣ.

У послѣдняго оставалась еще надежда на своего замѣстителя въ Кіевѣ стольника князя Юрія Ник. Барятинскаго, котораго онъ уже ранѣе звалъ къ себѣ на помощь, но безъ царскаго указа князь не смѣлъ двинуться; а пока получился такой указъ изъ Москвы, прошло не мало времени. 7-го октября онъ выступилъ изъ Кіева съ отрядомъ въ 3000 человѣкъ-самое большее, что ему можно было собрать; кое-какіе части, отдѣленныя изъ разныхъ гарнизоновъ, должны были присоединиться къ нему на дорогѣ. Вмѣсто спѣшнаго похода прямо на мѣсто дѣйствія, онъ, отошедши потихоньку 50 верстъ отъ Кіева, остановился въ одномъ мѣстечкѣ и сталъ поджидать означенныхъ подкрѣпленій. Мало-по-малу у него набралось свыше 5000 человѣкъ; 19-го октября онъ двинулся далѣе и дошелъ до мѣстечка Брусилова. Но мѣстный сотникъ съ казаками и войтъ съ мѣщанами отказались впустить его въ городъ, разобрали мостъ и плотину и начали стрѣлять изъ пушекъ. Тутъ только Барятинскій узналъ объ измѣнѣ Хмѣльницкаго. Видя, что Ляхи, Татары и мятежные казаки стали собираться, чтобы окружить и разгромить его войско и опасаясь за судьбу Кіева, гдѣ оставался его товарищъ стольникъ Чадаевъ съ очень малочисленнымъ гарнизономъ, Барятинскій повернулъ назадъ и остановился, не доходя съ небольшимъ верстъ 20 до Кіева, въ мѣстечкѣ Бѣлгородкѣ, откуда послалъ отписку въ Москву и спрашивалъ новаго царскаго указа. Но къ тому времени вопросъ о главной русской рати былъ уже поконченъ.

Шереметевъ съ остатками своего табора сумѣлъ пройти еще нѣкоторое разстояніе; но подъ Коднею принужденъ былъ опять остановиться и окопаться. Днемъ шли дожди, а ночью уже были морозы. Русскіе жестоко страдали отъ голода, холода и трупнаго смрада. Такъ какъ не было дровъ, то люди ѣли сырое мясо павшихъ

лошадей; ихъ исхудалыя почернѣвшія лица возбуждали сожалѣніе даже у непріятелей. Въ виду безнадежнаго положенія и предстоявшей гибели, естественно, пошатнулась воинская дисциплина и стали происходить шумные толки о сдачѣ среди ратныхъ людей. Мужественное упорство Шереметева, наконецъ, было сломлено, и 15-го октября онъ вступилъ въ переговоры. Польская армія и сама страдала отъ погоды, отъ недостатка кормовъ и съѣстныхъ припасовъ; а потому гетманы были очень обрадованы предложеніемъ перемирія и тотчасъ на него согласились. Затѣмъ назначенные съ обѣихъ сторонъ комиссары принялись договариваться о мирѣ. Въ началѣ сихъ переговоровъ одинъ изъ русскихъ комиссаровъ стольникъ Акинѳіевъ, человѣкъ очень умный, по словамъ польскаго современника, вздумалъ было напомнить Полякамъ о принадлежности къ единому Славянскому племени и къ общей христіанской вѣрѣ, объ ихъ неестественной дружбѣ съ врагами Христа-Татарами. Но, разумѣется, это былъ голосъ вопіющаго въ пустынѣ; татарскіе уполномоченные даже были допущены къ участію въ переговорахъ и прежде всего потребовали отъ Москвитянъ уплаты большихъ суммъ въ пользу Орды.

Послѣ многихъ споровъ мирный договоръ состоялся, былъ обѣими сторонами подписанъ 23-го октября и утвержденъ взаимною присягою. Главныя его статьи были слѣдующія: изъ Кіева, Переяслава, Нѣжина и Чернигова должны быть выведены московскіе гарнизоны, оставивъ въ нихъ свои пушки и военные запасы. Рать Шереметева выдаетъ все свое оружіе, знамена и весь боевой запасъ, и затѣмъ подъ конвоемъ польскимъ будетъ разведена по большимъ городамъ. Русскіе воеводы Шереметевъ, князья Щербатовъ и Козловскій, вообще начальные люди, полковники и офицеры будутъ находиться заложниками у коронныхъ гетмановъ и крымскаго царевича, пока царскіе гарнизоны не выдутъ изъ помянутыхъ городовъ. Когда состоится ихъ сдача, тогда русскіе воеводы и офицеры

съ ихъ ратными людьми будутъ отпущены домой, до границы ихъ проводитъ польскій конвой и тамъ возвратитъ имъ ручное оружіе. Страннымъ кажется, какимъ образомъ такой стойкій и вѣрный царскій слуга, какимъ былъ Шереметевъ, самовольно согласился на очищеніе Украйны отъ Московскихъ гарнизоновъ, т.-е. на полное возвращеніе ея подъ Польское владычество, и не только согласился самъ, но и поручился за таковое же согласіе своего кіевскаго товарища князя Барятинскаго? Это по тому времени небывалое превышеніе власти можно объяснить только крайнимъ безвыходнымъ положеніемъ русской рати, не терпѣвшимъ никакого дальнѣйшаго промедленія ради ея спасенія отъ конечной гибели. Едва ли Шереметевъ и вѣрилъ въ возможное исполненіе сихъ условій; а просто не хотѣлъ сдаться безусловно и видѣть своихъ ратныхъ людей увлеченными въ татарскую неволю. Тѣмъ не менѣе, онъ дѣйствительно послалъ Барятинскому, Чадаеву и лѣвобережнымъ воеводамъ извѣстіе о заключенномъ договорѣ и вмѣстѣ приказалъ объ очищеніи занятыхъ Москвою городовъ. Но такіе приказы, конечно, писались подъ диктовку польскихъ вождей.

Князь Барятинскій поступилъ какъ истинный московскій воевода: на грамоту Шереметева онъ отвѣтилъ, что договорныя статьи пошлетъ къ великому государю, а безъ царскаго указу, по приказу Шереметева, отдать города и вывести изъ нихъ ратныхъ людей „немочно". „Много на Москвѣ Шереметевыхъ!"-прибавилъ онъ. Посланцевъ отъ коронныхъ гетмановъ и Шереметева онъ не отпустилъ въ эти города, а самъ съ своимъ отрядомъ поспѣшилъ въ Кіевъ.

Межъ тѣмъ гетманы Потоцкій и Любомірскій распорядились самымъ варварскимъ и вѣроломнымъ образомъ. Во-первыхъ, тѣхъ казаковъ, которые оставались въ русскомъ таборѣ, они отдали въ неволю Татарамъ. Во-вторыхъ, какъ только русскіе ратные люди, числомъ около 10,000, выдали свое оружіе, въ ихъ таборъ начали вры-

ваться Татары и хватать ихъ арканами. Тогда безоружные Москвитяне стали обороняться чѣмъ попало; Татары пустили въ ходъ стрѣлы, перебили много народу; а остальныхъ, около 8,000, забрали въ плѣнъ; Поляки равнодушно смотрѣли на этотъ разгромъ. Въ-третьихъ, самого В. Б. Шереметева, вопреки условіямъ, польскіе гетманы выдали Нуррединъ-султану въ обезпеченіе обѣщанной ему суммы въ 150,000 ефимковъ. Шереметева посадили въ его собственную карету, запряженную шестерней, и въ сопровожденіи его собственныхъ слугъ и свиты, состоявшей изъ сотни разныхъ подчиненныхъ ему лицъ, подъ татарскимъ конвоемъ увезли въ Крымъ, гдѣ онъ потомъ томился болѣе 20 лѣтъ въ тяжкомъ плѣну. Такъ жалко окончился его походъ, предпринятый съ отборною ратью, съ пышными надеждами и похвальбами! Чудновское пораженіе было еще горше Конотопскаго, и стоило еще дороже Московскому государству“.

Въ этой Чудновской битвѣ Степанъ Ивановичъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, будучи отвезенъ въ Крымъ онъ былъ проданъ въ Констонтиноцоль, гдѣ и попалъ на каторгу, откуда былъ выкупленъ митрополитомъ Паисіемъ лишь въ 1663 г., въ слѣдующемъ году мы видимъ его вновь на службѣ послѣдовательно въ полкахъ кн. Я. К. Черкасскаго, кн. В. А. Долгорукова и кн. Г. С. Куракина. Въ 1674 г. С. И. за многія службы, за кровь, за 4 раны и за полонное терпѣніе былъ пожалованъ по Московскому списку. Къ концу 1670-хъ годовъ С. И. достигаетъ уже оклада въ 1000 ч. и 90 р. деньгами и нѣсколько разъ былъ жалованъ вотчинами, въ 1678-79 г. онъ участвуетъ въ Чигиринскомъ походѣ въ полку В. Змѣева, за который получаетъ вотчину въ Можайскомъ у., въ 1685 г. за „посольскія службы“ (намъ неизвѣстно какія) ему была пожалована вотчина въ томъ-же Можайскомъ уѣздѣ, въ томъ-же уѣздѣ пожалована ему была въ 1687 г. вотчина за службы его, отца и предковъ. Въ 1688 г. С. И. былъ назначенъ воеводой въ Мурашкино (нынѣ Княгининскаго

у. Нижегородской губ.) Скончался въ 1698 г., женатъ былъ два раза, но намъ неизвѣстны фамиліи его женъ, отъ которыхъ онъ имѣлъ по нашимъ свѣдѣніямъ сыновей Матвѣя и Ивана и дочь Анну бывшую за П. Н. Чернышевымъ, изъ нихъ Иванъ скончался еще при жизни отца.

На этомъ мы и окончимъ, т. к. печатаемыя грамоты не идутъ дальше первыхъ годовъ XVIII ст. Разсматривая въ общемъ родословіе Савеловыхъ за XV-XVII ст. мы получаемъ слѣдующую картину: вторая половина XV ст. застаетъ Савелковыхъ вліятельнымъ новгородскимъ родомъ, представители котораго владѣютъ огромными пространствами земли, въ 1478 г. происходитъ разгромъ Іоанномъ III Новгорода, все состояніе Савелковыхъ рушится и они переходятъ въ категорію небольшихъ земельныхъ собственниковъ; послѣ вторичнаго разгрома Новгорода Іоанномъ Грознымъ, Савеловы въ лицѣ 2 братьевъ переводятся въ Московскія области, при чемъ одна вѣтвь-Можайская несетъ службу въ составѣ царской охоты, а Ростовская несетъ обыкновенную службу съ городомъ. Непрерывный рядъ войнъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ повидимому способствуетъ къ поднятію матеріальнаго благополучія, т. к. за усиленныя службы представители рода получаютъ помѣстныя придачи и вотчины, служатъ уже изъ выбора, въ 1653 г. Иванъ большой Петровичъ попадаетъ въ Московскій списокъ, въ 1668 г. за нимъ слѣдуетъ его братъ Тимофей, затѣмъ Павелъ, а въ 1672 г. по Московскому списку написанъ и представитель Ростовской вѣтви Степанъ Ивановичъ. Въ 1659 г. Тимофей Петровичъ попадаетъ уже на воеводство (первый изъ Савеловыхъ). Въ это время возвышается старшій Иванъ Петровичъ, въ иночествѣ Іоакимъ, въ 1672 г. онъ Митрополитъ Новгородскій а въ 1674 г. избирается на патріаршій престолъ, т. е. занимаетъ первое послѣ царя мѣсто въ государствѣ-это не могло не сыграть въ жизни Савеловыхъ весьма крупной роли. Начиная съ 1675 г. всѣ они служатъ въ стольни-

кахъ, а въ 1676 г. старшій изъ братьевъ Іоакима попадаетъ въ думу, за нимъ слѣдуетъ въ 1678 г. Тимофей и въ 1688 г. Иванъ меньшой, первые два возводятся затѣмъ въ окольничіе.

Въ матеріальномъ отношеніи положеніе Савеловыхъ въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII ст. является самымъ блестящимъ временемъ за весь періодъ послѣ Новгородскаго погрома, они вступаютъ въ родственныя отношенія съ лучшими фамиліями, среди которыхъ мы видимъ Бутурлиныхъ, Мусиныхъ-Пушкиныхъ, кн. Шехонскихъ, Глѣбовыхъ, кн. Львовыхъ, кн. Сонцовыхъ-Засѣкиныхъ, кн. Борятинскихъ и др.

